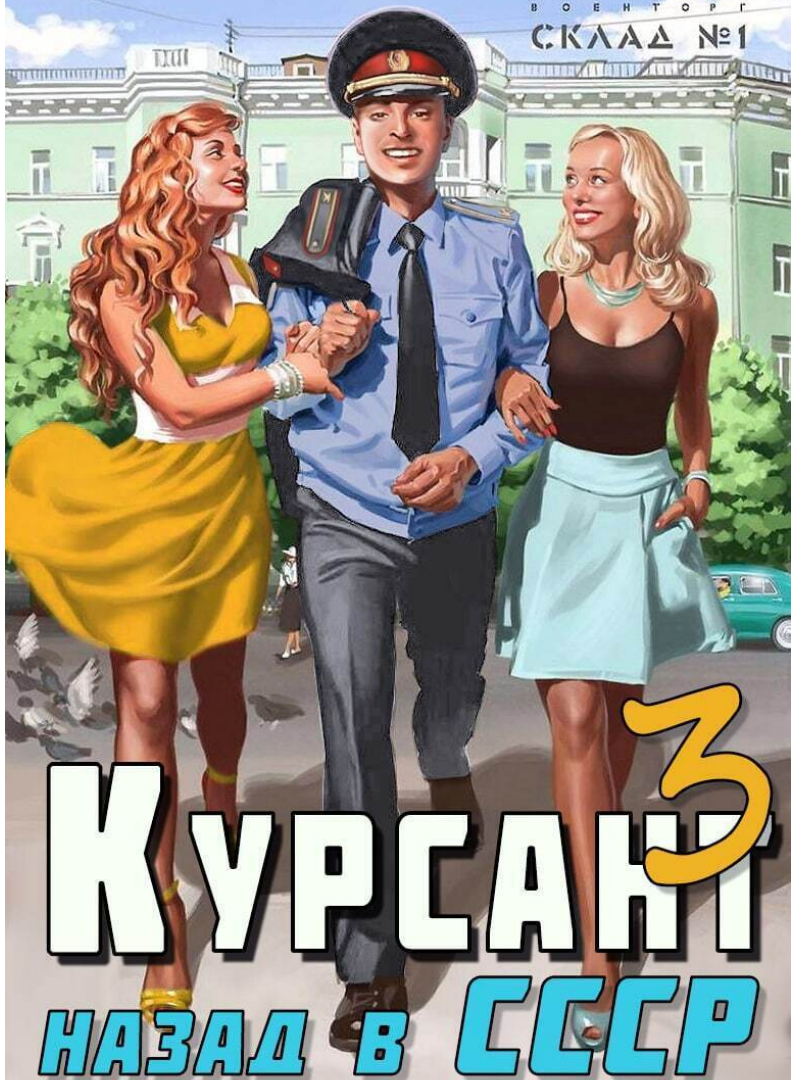

ВОЕНТОРГ

СКЛАД №1

КУРСАНТ³

НАЗАД В СССР

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР 3
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70020211

Курсант: назад в СССР 3:

Аннотация

«Я рванул на звук, ломая кусты и пригибаясь от колючих еловых веток. Федя пыхтел сзади, безнадежно отставая. Черт! Опять пистолет не со мной. Хотел вернуться и забрать у него табельный ПМ, но передумал – каждая секунда дорога. Все! С завтрашнего дня точно за него возьмусь. Будет у меня на школьном стадионе круги нарезать...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Рафаэль Дамиров

Курсант: назад в СССР

Том 3

Глава 1

Я рванул на звук, ломая кусты и пригибаясь от колючих еловых веток. Федя пыхтел сзади, безнадежно отставая. Черт! Опять пистолет не со мной. Хотел вернуться и забрать у него табельный ПМ, но передумал – каждая секунда дорога. Все! С завтрашнего дня точно за него возьмусь. Будет у меня на школьном стадионе круги нарезать.

Криков больше не слышно. Куда дальше? Я остановился и прислушался. Где-то в рощице доносились приглушенные голоса. Луна вылезла из-за тучки, будто помогая мне. В просвете между деревьев мелькнула рыжая грива Соньки. Рванул туда.

Ей зажимал рот какой-то громила. Девушка брыкалась и, извиваясь, пыталась вырваться из медвежьих объятий. Наконец, ей удалось укунуть подлеца за ладонь. Мужик вскрикнул и отпустил ее. Соня, теряя каблуки, рванула прочь.

Словно охотничий пес, я влетел на полянку, где остановился недоумевающий громила, слизывая кровь со своей ру-

ки. Я выскочил из кустов и врезался в него, попутно впечатав кулак в широкую морду. Тот даже не понял, что произошло, так и брякнулся навзничь в траву, но, на мое удивление, не вырубился. Удар был сильный, но его котелок оказался крепче, чем я думал. Здоровяк перекатом ушел в сторону, вскочил на ноги и выхватил пистолет.

– Не стрелять! – раздался сзади знакомый голос, твердый как камень, но мертвый и глухой, как могильная плита.

Я сразу узнал его. Громила повиновался голосу и убрал пистолет во внутренний карман пиджака, злобно таращась на меня и протирая окровавленной ладонью ушибленную челюсть.

Я обернулся.

– Привет, Курсант, – улыбался Гоша. – Твоя краля? – кивнул он в сторону убегающей Соньки. – На живца, что ли,ловишь?

Он подошел ко мне и протянул руку. В это время на поляну ввалился Погодин, размахивая пистолетом. Остановился и хлопал на нас непонимающими глазами. Хотел что-то спросить, но не знал, с чего бы начать.

– Федя, – кивнул я ему. – Иди Соньку догони, успокой. Свои это.

Погодин недоверчиво уставился на двух мужиков бандитской наружности, но очень прилично одетых. Один из них здоровый как медведь, а второй похож на старого матерого волка, который уже немного усох, но хватку не потерял.

– Иди, – поторопил я его. – А то сдуру милицию вызовет. Думает, что мы ее потеряли.

Федя молча кивнул и скрылся в кустах. Я повернулся к Гоше:

– Что здесь произошло?

– А сам как думаешь?

Я осмотрелся:

– На этой самой полянке убили Зину.

– Да, – глаза Гоши подернулись влагой. – Каждую неделю сюда прихожу и размышляю... Что за гадина ее убила. И сегодня сидел на пенечке и думу думал. Смотрю, девка по кустам шатается. Рыжая, и юбка чуть жопу прикрывает. Будто специально приключений на нее ищет. Я ей говорю, мол, барышня, опасно в такое время одной ходить по парку. В городе невесть что творится. А она не слушает, говорит, не твое, папаша, дело. Я тогда Сашке сказал, – Гоша кивнул на своего громилу. – Проводить ее из парка от греха подальше. – Сашка к ней подошел, а она испугалась. Ну правильно, его все боятся, вымахал дубина под два метра на молоке деревенском. Девка давай кричать, милицию звать. Сашка сдуру полез ей рот затыкать. Рефлекс у него сработал, не любит он, когда ментов кличут, для него это как ножом по стеклу. Она его тяпнула зубками и смылась. Не сразу поняли, что подставная она. Как лучше хотели. Помочь...

Я кивнул:

– Бывает. Мы сами виноваты, упустили из виду Соньку.

– Только так вы душителя не найдете... – задумчиво проговорил Гоша.

– Это почему? – насторожился я.

– Сам посуди, нет в его действиях системы. Может, в следующий раз он через год убьет, а может, вообще никогда.

– У нас пока нет других вариантов. Отрабатываем таким способом.

– Знаю, слышал. Из Москвы группу прислали. Раз местные ни х*ра не могут, так, может, хоть москвичи справятся?

– Просто зацепок нет никаких, – попытался я оправдать местных. – Кроме белой “Волги”.

– Какой “Волги”? – Гоша буквально вытянулся в струнку, как охотничий пес. На его бледном лице даже морщины разгладились. Было понятно, что он готов на все – хоть передуть всех в городе, кто ездит на “Волге”.

– Извини, не могу сказать. Информация служебная.

– Что ты несешь?! Щенок! У меня дочь убили!

Гоша сел на землю и обхватил голову руками. Замер. Посидел с минуту молча. Опустил руки, тряхнул головой и посмотрел на меня пустым взглядом:

– Прости, сорвался. Расскажи про “Волгу”. По своим каналам разузнать попробую. Гоша Индия – не последний человек в городе. Всю шантрапу на уши подниму. Рыскать будут. Вознаграждение пообещаю...

А ведь он прав. У Гоши оперативные позиции, в этом плане, получше будут, чем у любого опера. Круг общения у него

интересный и полезный. Я решил поделиться с ним информацией. Чем черт не шутит, может, и вправду поможет:

– Одна из убитых девушек тайно встречалась с неизвестным типом, что подвозил ее на белой “Волге” последней модели. Не факт, конечно, что он убил ее и других девушек. Но тип этот после смерти потерпевшей испарился. Будто не было его вовсе. И никто не знает, кем он был. Мать убитой считает, что он женат, вот и скрывался от людских глаз. Но он даже на похоронах своей пассии не засветился. Не просто же так? Может, и был там, постоял в сторонке возле могилки, но не обозначился.

– Н-да-а... – Гоша потер виски, достал из внутреннего кармана фляжку цвета бронзы с витиеватой гравировкой.

Отточенным движением открутил пробку и сделал несколько больших глотков. Даже не поморщился, будто пил воду. Но я-то знал, что там его любимый шотландский виски, которым меня когда-то угощала Зина.

– Будешь? – протянул мне фляжку.

– Я на службе.

– Брось, Курсант, уважь старика. Выпей со мной. Устал я один пить...

Я взял фляжку и сделал пару маленьких глотков. Знакомый терпкий вкус. Сделал еще глоток и продолжил рассказ:

– Машин таких в городе не так много. Сразу все отработали. Только никто из их владельцев по описанию не подходит, а если и подходит, то алиби у них. Служебные тоже

рассматривали. Всех водителей, кто закреплен за подобным транспортом, собственников, вообще всех, кто доступ имел к машинам, тоже проверили. По нулям все... Может, “Волга” эта не из нашего города. И числится не в Новоульяновске вовсе. По стране их столько, что жизни не хватит, чтобы все проверить.

Я с грустью вспоминал компьютерную базу данных, когда нажатием на клавишу можно было выкатить всех владельцев любой марки автомобиля за несколько секунд. Вручную сейчас проверять все “Волги” по Союзу – задача непосильная.

– Что ж... Кину клич своим. Награду пообещаю, пусть “Волгу” белую ищут. Вся шантрапа будет рыскать. Где-то же он ездит по городу. Как, кстати, он выглядит?

– Описания скудные. В возрасте, представительного вида. Больше никто ничего не запомнил. Только смотри, не переборщи. А то найдешь его и в подвал, как меня тогда, брошишь, казнить пообещаешь. А человек, возможно, ни при чем совсем.

– Да все понимаю. Не тупее вас. Даже у меня такая “Волга” есть, – натянул улыбку Гоша. – Ладно, Курсант, бывай. Если что, знаешь где меня найти. Каждый вечер я в ресторане “Октябрь”. Может, нароешь что и помощь нужна будет, ты не стесняйся. Маякни только. Ордеров долго ждать, а мы и без ордера, так сказать, своими силами, если что, проблему порешаем.

Мы пожали друг другу руки, Гоша кивнул мордовороту с

опухшей челюстью, и они скрылись за деревьями.

Я побрел в противоположную сторону, искать Погодина и Соню. Они сидели на лавочке у центрального входа в парк, как два озябших воробышка. Нахохлились и ждали меня. Сонька только просушила мокрое от слез лицо, и уже смотрела на мир глазами не таким грустными. Погодин ворковал рядом, что-то рассказывал, давая ей понять, что с ним она в полной безопасности, что у него ствол и бояться ей нечего. Соня скупающе высматривала что-то по сторонам. Завидев меня, оживилась и замахала рукой:

– Андрей, мы здесь!

Ого, она даже имя мое запомнила. Я подошел.

– Андрей, – Соня с жаром схватила меня за руки. – Кто это был? Я так испугалась! Думала, вы меня потеряли из виду... А они набросились!

– Это не душитель, это свои, – улыбнулся я.

– Ага, – покачала она скептически головой. – Видела, как ты того амбала сшиб. Думала, убьешь его. Я побежала, оглянулась посмотреть, нет ли погони, а тут ты вылетел из чащи, будто хищник, и сходу кинулся на него. Там еще второй с ним был. Кто это?

– Говорю же, свои, ошибочка вышла. Не признал я их, вот и набросился.

– Слаба богу, что это не маньяки, – затараторила Соня. – Я этих маньяков страсть как боюсь! И зачем я только согласилась в этом участвовать? Вот дурочка, любопытно было,

клянет на меня душитель или нет.

– Тебе нечего бояться, – важно заметил Федя. – Я же теперь рядом.

Но девушка отмахнулась от Феди, как от назойливой мушки, и, не замечая его амурных поползновений, придвинулась ко мне поближе:

– Я так испугалась, больше не буду в ваши игры лезть. Меня до сих пор трясет. Как теперь домой возвращаться одной? Слушай, Андрей, может, ты меня проводишь? Пожалуйста...

– Я могу проводить, – встрял Погодин. – Мне нетрудно. Тем более, пистолет у меня есть.

– Нет, – отрезал Соня. – меня Андрюша проводит, правда?

Рыжеволосая уставилась на меня зелеными бездонными глазами, просяще зажевав нижнюю губу. Она была настолько близко, что я чувствовал, как колотится ее сердечко.

– Ладно, провожу, – сказал я ловя на себе недовольный взгляд Погодина. – Ура! – Соня повисла у меня на шее и чмокнула в щеку. – Скажи, Андрей, а ты правда его хотел убить? Из-за меня?..

* * *

До Сонькиного дома добрались на трамвае. Успели на последний. Пришлось ехать в другую часть города. Обычная

панельная пятиэтажка с проходным двором уже почти спала, щурясь на нас редкими окнами, где еще горел желтоватый свет.

– Вот и мой подъезд, – радостно воскликнула Соня. – Только ты меня до квартиры доведи, ладно? А то я сегодня совсем трусиха!

– Ладно, – вздохнул я и потянул на себя скрипучую подъездную дверь, растягивая приколоченную к ней ржавую пружину.

Мы поднялись на второй этаж. Соня приподняла коврик перед порогом и выудила оттуда ключ, вставила его в скважину и через плечо улыбнулась:

– Мама сегодня в ночную, а отец ушел за хлебом.

– За хлебом?

– Ага, два года назад. Так и остался жить с продавщицей из булочной. Увела гадина нашего папку. Но мы не в обиде. Так себе был папка. Алкаш тихий. Все пропивал, а вот продавщице зачем-то понадобился. Хотя в ее возрасте любой мужик – подарок. Вам, мужикам, проще, на вас до старости спрос есть. А если не алкаш, то и выбор еще у вас хороший, как на рынке, не то что у женщин. Хватают, что попало, а потом мучаются..

Дверь распахнулась, зазывая внутрь.

– Чаю? Или, может, поужинаешь? Голодный наверное. Картошечки жареной? Я ее на скорую руку знаешь, как готовлю. Пальчики оближешь! – в зеленых глазах девушки

сверкнули бесенята.

– Пора мне, – я сделал шаг назад, не собираясь становиться очередным Сонькиным воздыхателем, не повесит она мою бренную тушку на стену своих трофеев.

– Да куда ж ты на ночь глядя собрался? В это время уже и трамваи на нашей ветке не ходят. А автобусов здесь и в помине не было.

– Такси вызову.

– Вот еще! Знаешь, сколько это будет стоить? Проходи, я тебе в зале на диване постелю.

– Не могу, Соня, мать волноваться будет, – не сдавался я.

– Тебе сколько лет, Андрей? Ты маму до сих пор слушаешь? Позвонишь ей из квартиры. Телефон у меня есть. Нам установили, матери моей по работе часто нужен бывает. Она у меня на железной дороге работает. Бывает, и ночью ее на работу вызванивают.

Последний аргумент сработал. Вот чертовка! Знает, за что зацепить... Если обозвать меня дураком или другим непотребством, это я еще могу стерпеть и списать на недалекость оппонента. Но сравнивать меня с маменькиным сынком – тема болезненная. Вырос я в детдоме и мать свою не знал. Не мог я быть маменькиным сынком, не было у меня матери. Только сейчас появилась...

– Ладно, – я шагнул в прихожую. – Картошка так картошка... с корочкой люблю. Зажаристой...

Будильник трезвонил так, будто война началась. Вот за что люблю советские будильники, что никогда не дадут проспать. Из-под шелковистой простынки рядом со мной вынырнула изящная рука с веснушками и отточенным движением хлопнула по будильнику. Тот, признав хозяйскую руку, вмиг заткнулся.

Я приподнялся на локте и прищурился от любопытного лучика, что пробился в спальню. Рядом на кровати, разметав роскошную гриву по подушке, лежала Соня. В квартире жарко, и пришлось укрываться простынкой. Под тонкой тканью угадывались холмики ее груди с крутыми склонами (ничего из того, что Соня говорила про женские года, ее саму пока не касалось). Одна нога выбилась из-под одеяла и картинно дополняла прекрасный “натюрморт”. Манила округлостью бедра и нежной кожей без единой складочки.

Соня приоткрыла глаза, улыбнулась и проканючила:

– Что, уже? Так рано?

– Подъем, красавица, – я не удержался и слегка шлепнул ее по округлости ляжки. – И тебе пора на работу.

– Мне еще рано, я с Петровной договорилась, она с утра вместо меня картошку чистить будет. Я еще поваляюсь. Оставайся...

Ее руки, будто кошачьи лапки, оплели мою шею и попы-

тались притянуть к себе, словно добычу.

Я пытался сопротивляться, аргументируя, что опоздаю на работу, что трамвай будет до УВД минут сорок телепаться. Что на планерку к Горохову опаздывать нельзя. Но потом решил, что такси никто не отменял, это будет быстрее, чем на трамвае. Тем более, телефон в квартире есть, можно и раскошелиться разок. Обдумав это, я нырнул под шелковую простынку...

* * *

На планерке сидел не выспавшимся, но довольным, словно кот, объевшийся сметаны. Зевал и мечтательно глядел в потолок. Слушал Горохова через раз.

Иллюзий я по поводу Соньки не питал, но ради большой и чистой любви сходить на сеновал был не против. Федьку только жалко. Он к ней со всей душой, а она, дура, меня выбрала... Но оно и к лучшему, влюбится еще дурак стгоряча и пополнит ее коллекцию воздыхателей. Жениться все-таки Феде надо. Но не на Соньке... На другой девушке.

Планерку проводил Горохов. Выслушивал доклады подчиненных. В просторном кабинете собрался весь личный состав его новоиспеченной следственной группы. Я насчитал аж двенадцать человек. "Бонусом" присутствовал еще начальник участковых. Сами участковые инспектора в группу не входили, но, по договоренности с начальником управле-

ния, их руководитель каждое утро получал от Горохова задания. Если опера, в основном, работали с криминальным элементом и качали информацию из стукачей и прочей шантрапы, что стояла у них на оперативных позициях, то участковые были ближе к народу. Вернее, к его самой информированной, всезнающей части – к бабушкам. В эпоху, когда не было интернета и мессенджеров, все новости и события узнавали по сарафанному радио именно посредством бабулек, что сидели на скамейках в каждом дворе и всегда знали про всех всё и вся. Кладёзь информации. Правда, в основном бесполезной, но опытный участковый всегда умело очищал зерна от плевел.

В дверь кабинета постучали, прервав планерку.

– Войдите! – недовольно крикнул Горохов.

Глава 2

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась морда дежурного с кустистыми бакенбардами:

– Разрешите, Никита Егорович?

– Что у вас, срочное что-то? – недовольно бросил Горохов, раздраженный тем, что его мини-совещание было бесцеремонно прервано.

Дежурный, поправив фуражку (даже головной убор надел в помещении для проформы, как же они все-таки боятся генеральную прокуратуру), несмело шагнул в кабинет:

– Там, эт самое... “Волгу” задержали...

– Какую “Волгу”? – не сразу понял Горохов.

– Белую! Новой модели, что по ориентировкам проходит. Гаишники... То есть, виноват, инспекторы ГАИ на въезде в город остановили. И водитель под описание подходит. В костюме, эт самое, солидный такой. Все как в ориентировке.

– И что же ты молчал?!

– Так я, эт самое, докладываю...

– Водитель кто?! Личность установили? Сюда его! Ко мне. Быстро!

– Так отпустили водителя... – дежурный пригладил растрепавшиеся от волнения баки и сделал на всякий случай шаг назад, к распахнутой двери.

– Как отпустили?! – Горохов хлопнул по столу кулаком.

Дежурный вздрогнул, и фуражка сползла на лоб, он спешно ее поправил, попутно вытерев рукавом взмокшее лицо:

– Так не имеем право задерживать, это же сам товарищ Зинченко.

– Какой еще Зинченко? Рапорт на стол! От вас и от гайшников! Служебную проверку по вам проведу!

– Никита Егорович, – вмешался Степаныч – один из бывалых местных оперов, что входил в состав группы. – Разрешите пояснить? Зинченко Сергей Сергеевич – второй секретарь горкома КПСС Новоульяновска. Фигура в городе значимая. Да и убийца на таком посту никак не может быть. Не по статусу.

– Так... Ясно... – успокоился Горохов. – Ну, это не вам решать, может или не может, – следователь крутил в руках карандаш. – Почему раньше он не попал в поле зрения? Как владелец белой “Волги”...

– Так, это самое, – дежурный чуть осмелел. – Машина не на нем числится, а на отце его. В Москве зарегистрирована...

Хрусь! – карандаш в руках Горохова сломался, он швырнул обломки в мусорную корзину и саркастически улыбнулся:

– Дайте угадаю! И отец его в Москве – тоже шишка та еще?

– Не совсем, – сказал Степаныч, – я слышал, что он писатель или журналист, но уже на пенсии.

– Свободен, – кивнул Горохов дежурному.

Тот, мелькнув роскошными бакенбардами, поспешил испариться.

– Думайте, товарищи, – нахмурился Горохов, ослабив нашее непомерно широкий галстук в серую нелепую клетку. – Как товарища Зинченко прошерстить. Опросить, конечно, мы его можем, и алиби проверить. Но я уверен, что он скажет, что не помнит, где был в дни убийства. И ничего мы с этим не поделаем. Не то, что обыск в квартире, даже машину не сможем досмотреть. Санкцию никто нам не выдаст. Если Зинченко человек уважаемый, то прокурор на такое не пойдет. Скажут, что нет достаточных оснований сомневаться в его честности.

Я сидел и размышлял о том, как в мое время выходили из таких ситуаций. Подключали прослушку и ловили чиновников на разговорах, а потом уже знали, где копать. Хотя для прослушки тоже постановление суда нужно, но в начале нулевых иногда этим можно было и поступиться. На свой страх и риск, так сказать. Но сейчас автоматические прослушки еще не изобрели. Можно конечно на АТС сидеть с трубкой круглосуточно. Первые попытки создать приборы в СССР появятся уже в следующем году, перед Олимпиадой.

А сейчас даже столичный прокурорский пробуксовывал перед номенклатурником.

– С Зинченко глаз не спускать, – Горохов обратился к старому оперу. – Захар Степанович, поручаю это лично вам. Определитесь, кто сможет негласно присматривать за ним.

Только очень аккуратно, ненавязчиво. Если узнают, что мы следим за вторым секретарем горкома, будет скандал. Отпишемся, конечно, но шумиха в таком щекотливом деле ни к чему.

– Есть, – кивнул Степаныч. – Вы все-таки думаете, что Зинченко и есть наш душитель?

– Я верю фактам, не более. Предположения строить пока рано. А то, что он единственный, кто подходит пока под описание и эксплуатирует пресловутую белую “Волгу” – это весомый факт, который необходимо проверить. Закон един для всех, товарищи. Другое дело, что применить его к некоторым личностям гораздо сложнее. Так что работаем, товарищи. И раздобудьте мне биографию этого самого Зинченко, самую подробную, – следовательно кивнул на психолога. – Светлана Валерьевна проанализирует ее и сделает выводы, так сказать, с точки зрения психологии. И объяснение с него возьмите. Не так чтобы в лоб, а аккуратно, дескать, не передавали ли вы кому-нибудь управление автомобилем. Чтобы товарищ номенклатурщик не почувствовал жареное, пусть считает, что формальность отрабатываем, мол, простите, вынуждены отреагировать на сигнал. Не мне вас учить, сами понимать должны. Все, за работу, товарищи. Планерка закончена...

Мы с Погодиным вышли из кабинета Горохова. Сегодня нам ничего такого особого не поручили – в слежке не участвовали, в вечерний рейд с подсадными уточками тоже про-

пустим, вчера с Сонькой ходили, поэтому оказались в свободном полете. Отрабатывали по плану Горохова, круг общения всех владельцев белых Волг. Следовательно предположил, что владельцы могли утаить что-то. Допустим, родственник или друг брал машину, а владелец это скрыл – или испугался, или действительно рыльце в пушку. Поэтому Горохов собрал данные на всех владельцев таких авто и пустил их на так называемую оперативную доработку. Обходили по второму кругу мы всех владельцев и каверзные вопросы задавали.

Был в этом смысл. Некий приемчик психологический. Например, преступник поначалу наврал с три короба и думал, что отбрехался. Все вокруг него улеглось, считал, что спрыгнул, а тут второй раз органы заявляются и вопросы те же самые, неудобные задавать начинают. Если есть в чем каяться, первое, что человек подумает, что вычислили его все-таки, потому и пришли снова. А дальше два варианта: либо юлить будет, либо сознается.

Второй предпочтительнее, но и первый выдаст его. При таком раскладе разницу в поведении уловить можно. А там уже и дожимать. В мое время еще полиграф применить можно было. Детектор лжи он же. Вранье отменно приборчик показывал, считывая ритмы сердечные, давление и даже потоотделение.

Насколько я знал, первые чернильно-пишущие полиграфы в СССР уже изобретены сейчас, но распространение они

не получают еще долго, и то потом их компьютерные сменяют. В семидесятых они считаются мракобесием и лженаучным методом. Почему? Думаю, все дело в самих корифеях права и власть предержащих. Никто не хочет оголяться перед народом, а полиграф мог бы многое о них самих рассказать.

– Ну, рассказывай! – Федя заговорщически посмотрел на меня, как только мы вышли на улицу, подальше от лишних глаз и ушей.

– Думаю, сегодня оставим владельцев “Волг” в покое и сами попробуем прощупать Зинченко, без шума и пыли.

– Да я не про это!

– А про что? – недоумевал я.

– Сам знаешь, – надувшись, пробубнил Погодин. – А еще друг называется... Я же сам хотел ее проводить.

– Прости, друг, но Сонька не для тебя...

– Почему?! – встрепенулся Погодин, раздувая щеки. – Потому что я рожей не вышел или статью? Как ты?

– Нет, Федя, потому что ты хороший... А Сонька – повариха...

– У нас в стране – все работы хороши, – декларативно выдал Федя известный шаблон. – И хотел тебе напомнить, что ты тоже отнюдь не директор или парторг какой-нибудь, а всего лишь простой слесарь.

– Да я не про род деятельности, Сонька – она по жизни повариха. Все на вкус пробует, пенку снимает, а не понравится – выкинет. Сдерет с тебя шкурку, как с картофелинки,

и в кипяток зашвырнет.

– В каком смысле – в кипяток?

– В переносном, Федя. У нее из таких, как мы целый бульон заготовлен на все случаи жизни...

– Ты думаешь, она блудница? Так это правда, что про нее говорят? Расскажи, что у вас было! Она что? Поцеловать себя на прощание позволила?

– Хуже, Федя. Держись. Только между нами. Сама первая поцеловала...

– Вот стерва!

– Почему стерва? Тебе она ничего не обещала, такой у нее характер, мужчин целовать любит. Не для тебя она...

– Это почему? – снова насупился он.

– На таких, Федя, не женятся, а тебе о семье уже думать пора. Сколько тебе? Тридцатка скоро.

– Вообще-то мне двадцать пять только стукнуло.

– Не обольщайся, друг, не успеешь оглянуться, и тебе уже за полтинник. Вместо жены пиво, вместо детей сигареты. Вместо тещи – язва с подагрой, и никому ты не нужен, кроме своего старого друга. Но и у друга может фляга свистнуть, однажды, он возьмет и убьет тебя.

– Какая мрачная картина... И кто же тот друг, что меня убьет? Не ты ли случайно?

Я стряхнул горечь прошлой жизни, вспомнил, где я и кто, и ответил:

– Это я так, гипотетически рассуждаю. И не про тебя во-

все, а вообще о жизни. Работа – это хорошо, но если на ней жениться, то когда-нибудь она тебя пережует и выплюнет, и ничего у тебя не останется. И тебя самого не останется.

– Ха! Ты сам пашешь за двоих! И предлагаешь мне поменьше работать!

– Предлагаю тебе жизнь свою устраивать, не затягивать...

– А ты? Сам-то бобылем ходишь! Парень видный, а с девушками я тебя не видал.

– А мне, Федя, пока чужие жизни надо устроить, а со своей временно перебыюсь...

– Какие это – чужие? – Погодин принял это на свой счет. – Я что? Маленький?

– Ты нет, а Олег – да.

– Блин! Я и забыл про него совсем! Как он там?

– Да поправился уже почти. Молоток. Здоровьем в мать пошел. Несгибаемый. Вот только держат его в больничке положенные три недели. Пока не выписывают. Но я к нему каждый день наведываюсь. Книжки читаю, последний раз про Хоттабыча читал. Особенно ему понравилось. Пионер Волька там желания свои исполняет. Правда, всегда нелепо получается, но интересно.

– Удивляюсь тебе, Петров! Когда ты все успеваешь? И почему, скажи, ты так к мальчику этому привязался? Ну спасли мы его... Теперь-то он в безопасности... Пусть родственники о нем заботятся или государство, в конце концов.

– Чую, Федя, сломаться Олежка может, если судьба его ба-

ловать не будет. Не каждый такое выдержит. Видел он смерть матери. На глазах у него красным пояском задушили. Плохо это для психики детской.

Сам я думал, что если бы даже взрослый мужик, вот вроде Погодина хотя бы, такое увидел – и то переменялся бы. Стоит ли удивляться, каким стал потом Олег. Может стать, если ничего не сделать.

– Ничего, время все лечит. Пройдут года и забудет, – пожал плечами мой напарник.

– Нет, Федя, большинство наших проблем ногами в детство упирается. Это психологи давно доказали.

– Не слышал...

– Не у нас, буржуйские, но и до нас это дойдет... Не хочу, чтобы Олег преступником вырос... Из больницы его скоро выпишут. Из родственников близких только бабушка есть. Та еще стрекоза. Лето красное пропела... Не хочет Олег к ней. Вот и опасаясь, как бы чего не вышло с ним потом.

– И что делать будешь?

– А хрен его знает! У меня пока поживет, там видно будет. Матери, правда, еще ничего не говорил. Но она у меня умница, думаю, поймет. Главное – разрешение соответствующее получить.

– От бабушки?

– Она-то не против будет ребенка сплавить. От органов уполномоченных. Не знаю, кто этим занимается, честно говоря, не узнавал еще. Некогда было.

– Ясно, – Федя вздохнул. На секунду задумался и спросил. – А ты Соньку правда поцеловал?

– Твою мать! Погодин!

– Все-все, молчу... Какие планы на сегодняшней рабочий день? – он сделал вид, что ему наши с Соней амуры и правда не интересны. – Что-то неохота мне рыскать по хозяевам белых “Волг”. В печенках они у меня сидят! И главное, все злые такие и с пафосом. Мол, уже приходили из милиции, что, дескать, вам надо!

– А как ты хотел, “ГАЗ-24” это тебе не хухры-мухры! Почти десять тысяч стоит, а подержанная, через коммисионку купленная, и все пятнадцать.

Такой вот был парадокс в СССР. Новая машина стоила гораздо дешевле, потому что на подержанную не нужно было стоять в очереди годами. Были, конечно, способы получить квоту на новый автомобиль и без очереди из простых граждан: стать героем или выиграть в лотерею. Перспектива так себе, нереальная. Поэтому владельцы личных “Волг” автоматически причислялись к небожителям. Ну или, как минимум, к людям обеспеченным и занимающим верхнюю жердочку в курятнике.

– Надеюсь, скоро все изменится, – задумчиво проговорил Федя. – У каждого будет “Волга”, и людей перестанут оценивать по наличию у них дорогой машины.

Что-то все-таки в советском обществе не устраивало даже патриота Погодина.

– Не изменится. Миры меняются, а люди нет. К сожалению... А теперь по делу. Нужно как-то осторожненько осмотреть эту самую дорогую белую машину Зинченко.

– Как?

– Еще не придумал...

– А что мы там искать будем?

– Я откуда знаю, Федя! Все, что нехарактерно для владельца статусного автомобиля. Любые мелочи, что свяжут нас с убитыми. Может, заколку кто-нибудь там обронил, и она в щелку забилась. Вербка, которой душили. Не знаю. По месту смотреть надо. Еще бы квартиру его обыскать...

– Ты что? Горохов даже сказал, что дохлый номер!

– Так ясен пень, что не официально обшарить!

Тут Федя совсем дар речи потерял, мычал и разводил руками, а потом, наконец, смог вымолвить:

– Подсудное дело, Петров! Как-то не хочется мне в этом участвовать.

– Да не ссы, Федор. Не мы будем по квартире шарить, а профессионалы...

– Какие-такие профессионалы? Домушники, что ли? С ума сошел?

– Давно уже. Есть одна мыслишка у меня интересная. Вечером в одно место с тобой сгоняем.

– Ох, Петров! Вечно я с тобой в неприятности попадаю.

– Федя, ты хоть на оперативника стал похож. Когда мы с тобой познакомились, ты напоминал мне канцелярскую кры-

су. Очков только не хватало.

– Да есть у меня очки, – Федя опустил голову. – Просто носить их стесняюсь. В школе водолазом обзывали.

– Почему?

– Ну разве не помнишь? Присказка такая: “У кого четыре глаза, тот похож на водолаза.”

Я посмеялся и мягко хлопнул его по плечу. А еще говорит, что ему двадцать пять. Максимум – пятнадцать!

* * *

Вечером с Погодиным добрались на автобусе до нужной остановки. Прошли метров сто и оказались у гостиницы “Октябрь”. Мы поднялись по гранитным ступенькам широкого крыльца. Наверху, у резных массивных дверей с ручками под бронзу уперлись в дежурную улыбку все того же плечистого швейцара, что вот уже лет десять, наверное, стоял на этом бессменном посту. Все тот же безупречный мундир “генеральского кроя” с золотистыми пуговицами. Хотя костюмчик, скорее всего, другой. Просто копия прошлого. Выглядел уж больно с иголочки.

Привратник окинул нас опытным оценивающим взглядом и сразу опознал людей служивых. Не знаю, почему, вроде Федя на милиционера совсем не похож. Я слишком молод. Но швейцар в прошлом военный и, как бывалый рыбак, видел своих издалека.

Он не стал задавать лишних вопросов, мол, есть ли броня на столик, на кого оформлен заказ и прочую чепуху, связанную с проходом внутрь. Он сразу понял, что внутрь мы пройдем в любом случае. Морды у нас решительные, и видно, что за нами стоит система правоохранительная.

– Вы к кому, молодые люди? – прямо спросил швейцар.

– По служебной необходимости, – небрежно бросил я и раскрыл перед усатой “гусарской” мордой присланные из Москвы корки генеральной прокуратуры. Моя гордость и карманная “амбиция” (ксива пришла из Москвы гораздо быстрее, чем обещал Горохов).

В удостоверении красным по белому и черным по всякому значилось: внештатный помощник следователя генеральной прокуратуры СССР Петров Андрей Григорьевич. Самое главное, слово “внештатный” не читать. Потому что все остальное звучит куда более красиво.

Погодин тоже сверкнул своими корочками, мол, милиция, розыск, но “придверный генерал” даже не посмотрел в его сторону, такая банальность после генпрокуратуры его никак не трогала. Он вытянулся в струнку, и рука его рефлекторно пошла к виску. Но бывший военный вовремя опомнился и вместо воинского приветствия чуть поклонился, учтиво распахнув перед нами дверь:

– Проходите, товарищи!

Мы шагнули внутрь, а я спиной чувствовал, как швейцар выдохнул с облегчением, радуясь, что не предложил нам ку-

пить заграничные сигареты из его набора фарцовщика. Так не только с работы можно было слететь, но и статью схлопотать.

Глава 3

Мы вошли внутрь. По-дворцовому просторный холл ресторана отделан тонким отшлифованным молочным мрамором с благородными прожилками. В мое время такой мрамор добывали в Хакасии, а этот – не знаю, откуда.

На стенах советская символика из бронзы в виде звезд и лавровых венков, а в центре, над входом в основной зал – перекрестие серпастого и молоткастого. Мягкий свет разливают бронзовые светильники, стилизованные под факелы.

Мы прошли в сам ресторан. Свет приглушен. Столики с белоснежными скатертями (не было раньше других цветов в общепите), как всегда, битком. Лучший ресторан в городе пользовался бешеной популярностью. Если ты ужинал в “Октябре”, значит, жизнь удалась. По крайней мере, потом так можно целый год говорить друзьям и знакомым, вызывая у них зависть.

Официанты, по гордой выправке и наряду больше походявшие на королевских пингвинов (белая рубашка, черная жилетка и ярко оранжевая бабочка), ловко лавировали между столиками с серебристыми подносами в руках. Люд кругом праздный и хорошо одетый. Были здесь и действительно обеспеченные управленцы и номенклатурщики, но добрая половина посетителей все-таки пришла сюда из народа. Это видно по их “лучшим” нарядам, специально купленным для

такого торжественного случая, как поход в ресторан. Видно их было и по манере поведения. По тому, как широко они отдыхали. Бравлируя заказом дорогих блюд, сорили чаевыми. Каждому хотелось почувствовать себя барином хоть иногда... Только потом придется копить, чтобы снова сходиться в ресторан и отметить юбилей свадьбы, день рождения или хотя бы первое мая.

С низкой сцены, больше похожей на изящный подиум, лилась ненавязчивая живая музыка. Престарелый саксофонист под аккомпанемент еще парочки музыкантов выдавал что-то джазовое с советским привкусом. Джаз – единственная музыка “враждебной” Америки, что прижилась в СССР еще с тридцатых годов и до сих пор была не запрещена.

К нам подскочил один из “пингвинов” с белоснежным полотенцем на руке:

– Позвольте проводить вас к вашему столику, – дежурно-вежливо улыбнулся официант.

Но не слишком перед нами расшаркивался. Наметанный глаз сразу определил, что от подобных “господ” чаевых ждать не стоит. Возрастом не вышли. Да и, судя по простенькой одежке, пришел в ресторан не деньгами сорить.

В семидесятые чаевые официантам еще давали, хотя они и вызывали у общественности порицание. Скоро чаевые вообще к взяткам приравняют.

– Мы к Гоше, – буркнул я, и “пингвин” махом испарился. Погодин вообще пока благоразумно отмалчивался.

Мы подошли к дальнему углу. Свет здесь еще чуть тусклее, чем в зале. У стены сдвинуты два столика. Гоша восседал посередине. По бокам от него два мордоворота в цветастых мажористых пиджаках. Гоша по сравнению с ними выглядел серо, как ворона на фоне бойцовских петухов.

Мордовороты безучастно посмотрели на нас и, не увидев опасности в двух неброских парнишках, продолжали беспечно глазеть на сцену. Там уже происходило действие поинтереснее.

Саксофонист смылся, а вместо него выскочили три интересного вида девицы в урезанных до предела приличия костюмах русских “снегурочек”. Танцевали и прыгали, так, что мячики груди едва не вываливались из глубоких декольте, а короткие юбки оголяли белые треугольники трусиков. Вроде как в одежде танцуют, но почему-то на стриптиз похоже, которого еще пока в СССР нет. Хотя в Сочи был, вроде. Подпольный, естественно...

Погодин уставился на девок, как бездомный кот на жирных воробушков. Мне пришлось даже дернуть его за рукав, чтобы отвлечь от сцены.

Заметив меня, Гоша вскинул брови. Никак не ожидал так скоро увидеть. На его лице промелькнула радость, которую он тут же спрятал за маской безразличия. Встал и протянул мне руку. Я пожал его ладонь. Погодин тоже протянул катале руку. Но тот лишь кивнул в его сторону:

– Привет, Курсант, это кто с тобой?

– Коллега, – ответил я. – Разговор есть. По нашему общему делу.

Гоша махнул рукой, и мордовороты послушно встали и отошли от столика метров на десять. Развернулись к нам спиной и смотрели на полуголых девиц на сцене, не отлипая. Музыка заиграла громче, они нас не слышали.

– Этот тоже пусть отойдет, – нахмурился Гоша в сторону Погодина.

– Он свой, – заверил я его. – В курсе происходящего.

– Неважно, никогда Гоша Индия перед ментом не будет разговаривать.

– Так я же тоже, типа, мент.

– Ты – другое дело.

– Ладно... Хозяин – барин, – я повернулся к Погодину. – Федор Сергеевич, оставьте нас на минутку. Танцы посмотрите пока.

Уговаривать Федю не пришлось. Он с радостью сквозанул поближе к сцене, где “снегурочки” уже затеяли что-то типа кан-кана. Задорно оголяли упругие ляжки, демонстрируя предметы нижнего белья.

– Рассказывай, – Гоша с нетерпением уставился на меня и больше не изображал безразличие. – Что у тебя? Узнал что-нибудь?

– Нет, но есть наметки...

– Не томи, выкладывай!

– Дай слово сказать, не перебивай! В общем, у товари-

ща Зинченко Сергея Сергеевича, оказывается, имеется белая “Волга” интересной для нас модели. И под поверхностное описание Сергей Сергеевич подходит. Солидный и в возрасте. В костюме всегда ходит.

– Вот с-сука...

– Да погоди! Может, это не он ухажер Соболевой вовсе. А если и он, то не факт, что убийца... План такой, проверить как-то надо номенклатурщика. У милиции руки связаны. Полномочий нет. Обыскать бы его квартиру по-тихому. Может, даже кражу инсценировать, если совсем без следов не получится.

– Это запросто! – кивнул Гоша. – Есть у меня подходящий человек, любой замок вскроет. Работает ювелирно. Только что искать-то в квартире надо? Не будет же он там трупы прятать...

– Вот, – я отодвинул в сторону поднос с шашлыками и положил на стол маленький золотистый предмет.

– Что это? – Гоша с удивлением взял его в руки. – Пуговица? Странная. Приметная. Похоже, что с одежды заграничной, у нас таких в Союзе не делают. Я и фарцы не видел.

– Я нашел ее на месте преступления, неподалеку от тела убитой Красицкой. Это та, что убили после Соболевой, но до Зины.

– Да помню я.

– Не факт, что пуговицу обронил убийца, но вероятность такая есть, и не маленькая. Нечасто люди в леске такие пу-

говицы теряют.

– Так... Значит, надо искать шмотье с такими пуговицами. И в идеале, чтобы на этой шкурке одной пуговички такой не хватало. Да?

– Точно... И еще кое-что... На всех девушках обнаружены микроволокна. Из интересной синтетики. Их в НИИ текстильной промышленности отправляли на экспертизу. Пришло заключение, что такой полимер в СССР не производят.

– Что за волокна? – Гоша недоуменно почесал лысину. – Волоски, что ли?

– Они самые. Ворс на одеяле или на еще чем-то подобном из синтетики. Короче, в квартире у Зинченко нужно еще искать вещь лохматую или ворсистую.

– Ясно... – Гоша задумчиво потирал виски. – Еще что?

– Все. Это то, что надо целенаправленно искать. А попутно на любые странные безделушки и предметы обращать внимание. С потерпевших вроде ничего не пропало, но, может, мы не заметили. Может, брелок какой или цепочка женская. Бывает серийники берут на память себе в качестве трофеев. Фетишируют, так сказать.

Гоша с удивлением на меня уставился:

– Ты сколько в ментовке работаешь, Курсант?

– Неважно, – отмахнулся я, – я быстро учусь, и учителя у меня хорошие. Ну так что? Когда за результатом приходить?

– Не спеши, – Гоша опять задумался. – Человека я настрою, только он не форточник и не домушник. Он маэстро.

А для маэстро что самое главное? Правильно, подготовка. Пока он присмотрится к квартирке этой. Режим домочадцев выучит, чтобы не дай бог не напороться на кого из них. Время на это надо... Может, недельку. Но надеюсь, что меньше. Пуговицу ему отдам, пусть сличает.

– Нет, – я забрал со стола пуговицу. – Извини, улика. Хотя и неоформленная по УПК как положено, но единственная пока у меня. Пусть твой подручный найдет вещь, где есть золотистые пуговицы. И срежет одну из них для сравнения. А там думать будем, как официально это все привязать к делу. Если что, аж через Москву придется бучу поднимать. Через связи Горохова. Местным Зинченко не по зубам.

– Ну, это у вас руки связаны, а мне ордер и ваши УПК не нужны. Я ж и без суда могу судьбу порешать.

– Давай без самосуда. Прошу... Мы должны найти убийцу, который не только Зину задушил, но и остальных. За троих жертв ему и так вышка светит.

– Ну, не знаю, Курсант, смогу ли я себе отказать в удовольствии казнить убийцу дочери лично. Мы на одной стороне, пока я его не нашел. Найду, не обессудь. Дальше наши дорожки разойдутся, и не стой у меня на пути.

Нельзя сказать, чтобы я такого совсем не ожидал. Но нужно было как-то с ним и об этом сторговаться.

– Найди сначала, – осторожно ухмыльнулся я.

– И то верно, – улыбнулся Гоша, в его потухших глазах загорелся огонек надежды. Теперь ему было ради чего жить. –

Есть телефон у тебя на работе? Позвоню, как что узнаю...

– На работу не надо, запиши домашний... Но сильно не болтай. Прослушивать его могут конторские. Просто позвони и скажи, что встречаемся на старом месте тогда-то.

– Ого! – Гоша вскинул на меня тонкую бровь. – Да ты, я смотрю, у всех популярностью пользуешься. А этим-то чем насолил? Когда успел?

– А хрен его знает. Есть там один тип неприятный. Все высматривает и вынюхивает что-то. Черненко Алексей Владимирович. Он и его человек даже спасли, вроде как, меня, когда на меня в подъезде ночью трое напали. У двоих ножи были. Помнишь, я тебе говорил, что на твоих бандерлогов подумал. Так вот, когда я выскочил из подъезда, то оказалось, что в машине во дворе сидит Черненко и напарник его, имени не знаю. Они вскочили и спугнули палачей моих. Сказали, что следили за мной.

– Странно все это... Появились в том момент, когда на тебя напали. Совпадение?

– Вот и я не знаю, что думать. Раньше все логично было: ты подослал ко мне головорезов, они ждали меня в подъезде, а конторские следили за мной. Но если это не твои люди, тогда кто? И какого хрена они на меня напали?

– Да не мои это, – тряхнул головой катала. – Не знаю, что тебе и сказать.

– И это не все... Меня после того случая в милицию-то и устроили. Мол, Гоша не беспредельщик, служащего в орга-

нах не тронет. И с военкомом местным, похоже, дела уладили. Не приходят мне повестки из военкомата.

– Н-да-а... Странно. Живой и ладно... Тоже поделюсь с тобой мыслишкой. Кажется, что я сам под колпаком у конторских. Причем давно. Казино мое подпольное процветает, и ни одна собака в него нос не сует. Конечно, приходится на лапу давать некоторым сильным города сего. Но КГБ ж не дремлет... И сложилось у меня такое ощущение, что специально они меня не трогают. И не только не трогают, а еще и другим запрещают. Будто нужен я им для чего-то...

– Так живи и радуйся, чего еще надо?

– Странно все это... Неправильно...

* * *

Наступил день выписки Олега. Я явился к больнице как на праздник, даже костюмчик по такому случаю надел. Оказалось, что у мальчика есть двоюродная тетка в Новоульяновске. Зверева с ней не особо общалась. Не ладили, наверное. Но тетка эта с мужем детей не имела.

Обоим было за сорок, а с детьми не выходило как-то. ЭКО уже изобретали, как раз в этом году по радио слышал и в газетах писали, что в июле в Англии родилась первая девочка из пробирки, но до СССР технологии дойдут еще не скоро (не говоря об общественном мнении), а детей родственники Олега хотели завести. Даже вариант усыновления из детдо-

ма рассматривали. Вот и решили забрать они к себе Олега. Такому повороту событий родная бабушка очень обрадовалась. И у нее, и у меня камень с души упал.

После заполнения врачебных бумажек и соблюдения прочих формальностей мне вручили Олега. Мы вышли на улицу. Октябрьское солнышко пригревало не по-осеннему приветливо. Будущие родители Олега почему-то опаздывали.

– Дядя Андрей, – заканючил мальчик. – Ты ведь обещал, что я у тебя поживу. Не хочу я к тете...

– Послушай, Олег, я буду к тебе приходить. С Вороновыми тебе лучше будет. У тебя будет мама. А я целыми днями и вечерами на работе. И в выходные, бывает, тоже...

– Но я даже их не знаю, приходили ко мне несколько раз в больницу, что-то рассказывали, а глаза такие хитрые... Будто украсть меня хотят.

– Не выдумывай ерунды. Давай так... Когда я к тебе в следующий раз приду, ты мне расскажешь, как тебе у них там живется и как они с тобой обращаются. Если не понравится, то я тебя обязательно заберу. Найду для этого законный способ. Договорились?

– Ладно, – нехотя проговорил Олег. – Но только ты обязательно приди.

– Обязательно приду.

Во двор больницы спешно въехала желтая копейка. Сверкающая, как новый рубль. Остановилась напротив крыльца. А вот и Вороновы. Из машины выскочила пухлая, но резвая

тетка в платье в горошек и бежевом плаще. Следом за ней спешил ботанического вида мужичок. С ними я уже был знаком. Встречался в палате Олега.

– Ох, успели! – выдохнула тетка и сграбастала мальчика, прижав к выпирающей на длину локтя груди. – Представляете! – громыхла она. – У этой колымаги колесо спустило! В самый неподходящий момент! Когда нашего Олеженьку надо было домой забирать.

Новоиспеченная мать посадила на щеку Олега красное пятно жирной помады. Мальчик поморщился, но промолчал.

– Ну что ты, дорогая! – возмутился затюканного вида мужичок в вязаной жилетке. – Колесо у каждого может спустить. И не колымага это вовсе! А новый “ВАЗ-2101”. У актера Абдулова такая же!

– Скажешь тоже! – фыркнула тетка. – Я на велосипеде десять лет ездила, и колесо ни разу не спустило. А тут только купили машину, сразу бац! И дырка!

Парочка, конечно, шепутная и колоритная, но судя по новой машине – обеспеченная, и это гуд. Квартира у них двухкомнатная. Воронова Евгения Петровна – главбух в конторе какой-то, муж ее, – Алексей Владимирович, доцентом в местном институте трудится. Семья вроде приличная, самое-то для Олега. А дальше будем посмотреть. Самое главное, чтобы к мальчику хорошо относились. Но я это проконтролирую.

– Все, мы поехали! – воскликнула Евгения Петровна и заграбастала мальчика, потянув его в сторону машины. – Спасибо тебе, Андрей, что побыл с Олегом.

– Не за что, – кивнул я. – До свидания. На неделе зайду. Проведаю мальчика.

– Заходи, конечно. Чай попьем. С медом! – легко махнула пухлой ручкой Евгения Петровна.

Хлопнули двери, и копейка укатила со двора. Я стоял на крыльце еще какое-то время и размышлял. Получилось у меня изменить судьбу маленького мальчика или нет? Не знаю. Станут ли Вороновы хорошими родителями? Не скажется ли в будущем пресловутый красный поясok на психике Олега? Пока ничего не знаю... Может, судьба не просто так забросила меня в это время? Может, у меня есть какая-то миссия? Что-то или кого-то поменять... Пока это получается слабо, и результата особо не видно, но уверен, что у меня все еще впереди. Не зря меня прозвали Курсант... Здесь я только начинаю жить заново.

Глава 4

Наконец мне удалось вырваться на тренировку по боксу. Саныч меня сегодня не гонял, заметил, что в последнее время мне не до спорта и форму я маленько подрастерял.

Впереди опять планировались какие-то соревнования, я пытался прыгнуть с участия, но старый хитрый хрыч сказал, что уже подал на нас с Быковым заявку. Мол, не ссыте, ребята, соревнования проходные, не область, всего лишь город, и без особой подготовки справимся. Но лучше, конечно, подготовиться. Впереди еще месяц. Две втягивающие тренировки проведем – и пахать будем. Ага. Знаю я эти проходные соревнования. Опять мастера спорта подсунут, как месяц назад.

После тренировки и традиционного контрастного душа (кровь разгоняет отменно) мы с Быковым сидели и болтали в раздевалке, как старые сплетницы-подружки. Так уж получилось, что с другом в последнее время пересекались только на тренировках. Поэтому каждый раз трещали ни о чем подолгу, пока Саныч нас не выгонит.

Я рассказал Антону про подозрения насчет Зинченко. Он призадумался и спросил:

– Думаешь, второй секретарь горкома и есть убийца?

– Не знаю, но проверить надо... “Волгу” бы его осмотреть. Он птица высокого полета, и официально такое не провер-

ноть. С Погодиным голову ломаем, как все по-тихому об-
стряпать. Но ничего пока дельного не придумали. Только не
вздумай никому брякнуть, считай – гостайна почти.

– Да понял. А где он “Волгу” оставляет? Вскрыть гараж
аккуратно, и всего делов.

– В том-то и дело, что у него не гараж, а бокс в автохозяй-
стве обкома. Охраняется круглосуточно. Сторожа только ес-
ли спойть, но так себе план. Вдруг непьющий окажется. Или
наоборот – хрен споишь.

– Погоди, – Быков вдруг стал заговорщически потирать
руки. – Я, кажется, придумал. Женька, сын его, как-то хва-
стался, что на папиной “Волге” девчонок катает. Давай его
позовем куда-нибудь. Например, на природу. На шашлыки.
На озеро Горькое.

– И-и?...

– Туда народ на электричке добирается, рыбу поудить и
мясо на костре пожарить, а Женька общественный транс-
порт не любит. Говорит, что бесит его, когда люди близ-
ко трутся плечами. Говорит, что боязно от этого становит-
ся ему. Вот сказочник, да? Чего только не придумает, лишь
бы оправдать свое высокомерие. Зажрался просто Женья, от
простых людей оторвался. Привык на машине, да на такси
раскатывать. Если с нами соберется – всяко у отца машину
возьмет.

– Гениально, Тоха! Зови его. Только Женья, может, и не
зажрался вовсе. Есть болезнь такая редкая – не помню как

точно называется, ну допустим пусть будет хренофобия.

– Чего?..

– Таких людей бесит, когда лезут к ним обниматься, пожимают руку, хлопают по плечу, да вообще прикасаются. Они отшатываются и отстраняются. Паника у них начинается и мандраж.

– А ты откуда знаешь?

– В “Технике – молодёжи” читал, – соврал я, вспомнив один из самых популярных журналов семидесятых, а в памяти всплыл момент из начала девяностых, когда я впервые столкнулся с человеком с такой болезнью, сам же был еще зеленым лейтенантом.

Задержал тогда я одного жулика по рядовой кражонке. Но это было одно из первых моих дел, и раскрыть преступление хотелось во что бы то ни стало. И заметил я, что когда наручники жульману надевал, кривился он, как будто во рту целый лимон был. Потом, когда объяснение с него в кабинете брал, похлопал его по плечу, мол, давай признавайся по-добру-поздорову, можем как явку с повинной оформить, такая помощь следствию зачтется и срок скостит, а если еще и ущерб потерпевшей возместишь, то условкой отделаешься. Опять моего подопечного всего перекосило, не понял я сразу, откуда лимоны у него в глотке. Похлопал еще раз, реакция повторилась. Удивился я тогда, не знал всю петрушку про болезнь эту, подумал, что менты ему настолько противны, что коробит его от меня, как аллергия от кота персид-

ского. Такой оказией грех было не воспользоваться. Хлопал я его так легонечко по плечу и приговаривал: “Ну что, друг сердешный, рассказывай, куда машинку швейную дел?”

Раз похлопал, два, три... Взыл жулик и расклад весь по злодеянию своему полнейший дал: когда и какому скупщику антиквариата сбыл похищенный “Зингер”. Машинку изъяли и вернули пенсионерке.

Ажиотаж тогда на такие машинки почему-то был. Как помешанные все гонялись за “Зингерами”. Ходили скупщики по рынку с табличками на груди, где фломастером было выведено: “Куплю “Зингер””.

По слухам, в деталях таких машинок золота и платина были, дескать, послевоенная Германия таким "макаром" драгоценные металлы из страны вывозила. По другой легенде считалось, что за “Зингер” с редким серийным номером огромная награда полагалась. Но никто не знал, от кого и почему, а главное – какой из номеров редким считается... Вот подрезал воришка машинку у бабушки и обменял ее на два пущыры водки.

– Только есть одна загвоздка, Андрей, – вывел меня из воспоминаний Быков. – Зинченко нам не друг, товарищ школьный. И особо может не вспылать желанием куда-то с нами ехать.

– Думай, Тоха, как Зинченко-младшего на выезд культ-массовый смотивировать. Если мы ему интересны, как коту рулетка, то что бы такого предложить?

– Ясно что, – снисходительно ухмыльнулся Тоха. – На девок он падкий. Очень они его интересуют. Молодые и, конечно же, красивые. Вот если бы таких с собой взять, и сказать Женьке, что, мол, девчонки с нами поедут, а нам их стыдно на электричке везти, красавиц распрекрасных и утонченных. Давай на машине их прокатим. Поехали, дружище, с нами, и “Волгу” папашкину бери. Вот тогда бы он точно согласился.

– Так в чем проблема? Давай девчонок позовем.

Быков демонстративно осмотрелся, повертел головой, словно филин, и даже под лавку заглянул, а потом театрально развел руками:

– Только нету у нас девчонок, или ты их в другом месте прячешь? Девчонки! Ау! Вы где?!

– Теперь есть, – загадочно улыбнулся я. – Повариху рыжую из УВД-шной столовки помнишь? Как-то мы обедали у меня на работе, ты еще сказал, что она на ведьмочку похожа. Прекрасную и огненную...

– Конечно, помню! Ты что? Повариху охмурил? Ну ты даешь, Петров! Везет же тебе...

– Скорее, она меня. Придется ее позвать, и скажу, чтобы подружку с собой взяла. Посимпатичнее.

– Подружку – это хорошо, – мечтательно проговорил Быков. – А лучше пусть двух берет.

– Обойдешься, не влезем все в машину, ты же помнишь, что с нами еще Зинченко-младший поедет?

– Так я почему и сказал. Неровно как-то выходит. “Три плюс два” получается. Как в фильме с Мироновым, кто-то ни с чем останется...

– Тоха, первым делом “Волги”, ну а девушки потом. Сегодня же позвони Женьке, договорись на субботу, а я Соньке звякну. Лады?

* * *

Соньку даже уговаривать не пришлось. Как только поняла, кто звонит, стала что-то весело щебетать, по задорному голосу было ясно, что девушка готова поехать со мной хоть на край света. А когда услышала, что на машине поедem, а не на дачном транспорте с пенсионерами и их саженцами в обнимку, так вообще загорелась.

– Только я не один буду, – сообщил я Соньке, – с друзьями. Ты же не против?

Конечно, она была не против, чем больше мужиков вокруг Соньки, тем прекраснее у нее настроение. Питалась она энергией воздыхателей, как вампир людской кровью.

– Только у меня просьба будет, – продолжил я разговор. – Возьми подружку с собой какую-нибудь. Посимпатичней.

– Зачем тебе моя подружка? – насторожилась Сонька. – Тебе меня мало? Позову, вот и езжайте с ней вдвоем, а я дома останусь!

Даже через трубку я увидел, как Сонька надула губы.

– Да не мне, для компании, для пацанов моих. А то как-то неудобно перед ними будет: я с девушкой, а они бобылями.

– Ладно, Лизку позову.

– Симпатичная?

– Ну, Петров! Еще слово – и я точно дома останусь!

– Ну должен же я знать, чтобы перед парнями не опростоволоситься, я им уже сказал, что не девчонки с нами на пикник поедут, а богини.

– Симпатичная, – фыркнула Сонька. – Не такая, как я, конечно, до богини не дотягивает, но дюймовочка.

– Ну кто бы сомневался, ты вообще одна такая... Солнечная...

Сонька растаяла, и я был уверен, что Лизу она непременно позовет.

* * *

В субботу выехали с утра. С Женьки был бензин и машина, а нам с Быковым пришлось раскошелиться на стандартный набор для пикника: мясо, вино, хлеб и сыр. Набрали еще картошки, чтобы в углях запечь.

Озеро Горькое находилось от Новоульяновска в полсотне километров. Название свое получило из-за особенного привкуса воды. Поговаривали, что на его дне твари доисторические ползают и илом питаются. От них такой запах и исходит. Но на самом деле причина наверняка крылась в каких-ни-

будь сероводородных источниках или в чем-то подобном.

Прибыли мы на место еще до полудня. Погода выдалась отличная. По зеркальной глади воды струилась причудливая дымка. Берега, покрытые молодой порослью плакучих ив, напоминали заросли бамбука.

В одном из живописных мест (поближе к воде) мы облюбовали подходящий пятачок и разбили лагерь.

Лиза, студентка пединститута, оказалась не такой “звездой”, как Соня. Все больше отмалчивалась и тихо улыбалась. В незнакомой компании предпочитала слушать, а не чесать языком. Миниатюрная хрупкая девчушка с немного детским лицом и умными проницательными глазами оказалась полной противоположностью Сони. Красивой ее можно было назвать с натяжкой, но по шкале от одного до десяти – тянула на твердую семерку. Поэтому Зинченко-младший как-то стал больше к Соньке присоседиваться. Рассказывал ей свои фирменные шуточки и при каждом удобном случае упоминал о своем “дворянском” происхождении, рассказывая про многочисленные достижения отца.

На мое удивление, Соню его рассказы не особо впечатлили – “перчатки” она менять не собиралась, по крайней мере, сегодня. Сразу показала Женьке, кто ее танцует: как бы невзначай касалась меня при каждом удобном случае и старалась держаться рядом. Я даже немного опешил. Такое поведение Соньки никак не вязалось с ее “полиандрической” репутацией. Может, прав Погодин? Наговаривают на нее...

Зато Лиза приглянулась Быкову. Он украдкой поглядывал на нее, сопел и всякий раз опускал глаза, когда начинал с ней разговаривать. Говорил при этом негромко, чуть краснел. Не Бык, а Теленок.

– Друзья! – Зинченко-младший картинно выудил из багажника машины бутылку армянского коньяка, бутылку с зеленым ликером с надписью “Шартез” на этикетке и пару лимонов. – Уберите это ваше кощунственное вино, сейчас в моде коктейли. Коньяк, ликер плюс сок лимона! Напиток богов!

Женька умело надавил лимоны в кружки и плеснул туда нужное количество ингредиентов. Поднял кружку.

– За знакомство! – подмигнул он Соньке.

Вот гад. Никак не уймется...

– Ты бы не налегал на спиртное, – попытался одернуть я Зинченко. – За рулем все-таки.

– Ерунда! – отмахнулся он. – У меня с собой пропуск.

– Какой пропуск? – удивился Быков.

Зинченко достал из нагрудного кармана красную книжицу и помахал ею перед нашими лицами.

– Так это же обычный комсомольский билет, – недоуменно проговорил Быков. – У меня такой же есть.

– Не такой, – ухмыльнулся Женька и развернул книжицу. – Фамилия у тебя другая. Сечешь?

Коктейль и вправду оказался отменным. Девчонки тоже его распробовали, сидели на бревнышке, о чем-то тихо пе-

реговаривались, поглядывали на нас и хихикали.

Зинченко достал из багажника складную заграничную удочку:

– Девочки! А пошлите рыбу удить! Вот такую сейчас поймаю. Специально для вас! Не верите?

– А пошли, – Лиза встала и потянула за руку подругу.

Быков нахмурился:

– Я тоже тогда с вами, – повернулся ко мне. – Андрюх, ты идешь?

– Вы сходите, – незаметно подмигнул я Антону. – Пока угли не остыли, я картошку запеку.

Зинченко поморщился:

– Да на фиг нам твоя картошка сдалась, шашлыков уже объелись, пошли на берег с нами.

– Не скажи... Лучше печеной в золе картошки может быть только печеная не подгоревшая картошка. Вы идите, я вас догоню.

Компания спустилась к воде. До нее было метров тридцать, а я поглядывал на “Волгу”, как рысь на жирного зайца.

Зинченко забросил удочку, что-то громко рассказывал девушкам, оживленно жестикулировал и сам же смеялся своим гениальным шуткам. Периодически оглядывался на меня и махал рукой, зазывая к воде.

Черт! Так у меня ни хрена не получится машину обшмонать. Уже бы рыбачил, а не разглагольствовал. Жаль, что у него не клюет. Так бы забыл про меня в азарте.

Вон мальчишка деревенский как ловко подлещиков тягает. Вроде недалеко от Зинченко стоит, шагах в десяти-пятнадцати всего в сторону, а клев не сравнить. Может, все дело в удочке?

Я немного поразмыслил, и у меня возник план. Я спустился к воде и подошел к мальчишке, вроде как узнать, сколько тот поймал, на что ловит, и прочие стандартные рыбацкие вопросы разрешить.

Возле вихрастого веснушчатого мальчугана валялся старенький “Уралец” с переваренной рамой и ржавым рулем. Парнишка лет двенадцати в кепке, как у Гавроша ловко таскал кривой деревянной удочкой серебристых рыбех.

– Малец, – сказал я. – Хочешь рубль заработать?

– Конечно! – оживился тот и положил удочку. – А что делать надо?

– Вон видишь того дяденьку с глупым лицом и красивой удочкой? Научи его рыбу ловить. Только про меня ничего не говори. Пусть тоже поймает несколько рыбин. Порадуется.

– Да как же я его научу, если удочка у него неправильная. Вот какую надо, – мальчуган вытащил на берег снасть.

Я подошел ближе, рассмотреть чудо-удочку. Вместо грузил – ржавые гайки, крючок гнутый, вместо поплавка – сухой стебель камыша.

– Лещ – рыба осторожная, – назидательно проговорил мальчишка. – Заграничных снастей, как огня боится. Тут надо на советские снасти ловить.

Паренек хитро прищурился:

– И к тому же место-то у меня – прикормленное, целую неделю геркулес в озеро швырял. Мамка потом меня веником отходила за то, что пакет с крупой спер.

– Так вот в чем фокус. В прикормке? Но ты про это дяденьке не говори. Скажешь, что удочка у него неправильная. Пусть на твою ловит, а потом еще и поменяешься с ним удочками.

У рыбачка глазенки загорелись:

– А разве можно так обманывать? Это же нечестно. У меня удилище из палки ивовой, а у него красивое такое.

– Врать, конечно, нехорошо, но его можно обманывать. Поверь мне...

Я повернулся к своим и, замахав рукой, прокричал:

– Идите сюда! Здесь пацан местный научит, как рыбу удить надо!

Повернулся к мальчику и тихо добавил:

– Держи рубль, только не подведи.

Женька резво перешел на место рыбачка – конечно, ему и в рыбалке хотелось показать себя во всей красе, а тут и шанс. Он поплевал на руки, взял его удочку, и дело пошло. Пока Зинченко таскал подлещиков одного за другим, а девчонки визжали от восторга, я наконец смог остаться с “Волгой” наедине.

Сначала обыскал салон. Осмотрел каждый сантиметр сидений, панели и пола. Ничего подозрительного не нашел. За-

тем распахнул багажник и почти нырнул в него с головой. Ящик с инструментами, записка, домкрат, старый теплый плед с длинным ворсом и все. Блин! Ничего интересного.

Хотел уже захлопнуть багажник, но тут меня осенило. Плед-то из синтетики! Я выдернул несколько волосков из него и посмотрел на просвет. Серые переливающиеся паутинки. Вроде похоже на те, что на убитых находили, но надо под микроскопом смотреть. На глаз точно нельзя сказать.

Сунул ворсинки в спичечный коробок и хотел уже снова закрыть багажник, но что-то меня остановило. В мозгу сидела непонятная деталь, которая никак не хотела вписываться в рутину. Что не так? Что еще такого необычного в багажнике? Думай, Андрюха, думай!

Точно! Веревка! Она слишком короткая для буксировочного троса! Я открыл ящик с инструментами и выудил оттуда отрезок серой плетеной веревки длиной около метра. На фига в инструментах такая короткая веревка? Для ремкомплекта она бесполезна, а вот для удавки самое-то будет. Я положил все на место и захлопнул багажник. Как раз вовремя.

– Андрюха! – к лагерю поднималась наша компания, а Зинченко тряс над головой связкой лещей, нанизанных через жабры на ивовый прутик. – Смотри, чо поймал. У пацана удочка волшебная! Моя теперь! Мы с ним поменялись. Только как ее в машину пихать, ума не приложу. Она ведь не разбирается.

– А ты снасть сними. Палка – она и в Африке палка. Зачем оглоблю тащить. Новую в следующий раз вырежешь. В этой удочке главное – снасть. С душою сделанная из родных гаек и камыша доморощенного.

– Точно! Так и сделаю. Спасибо, Андрюха. Кстати, тот пацан сказал, что через час у них в деревне танцы будут. В местном клубе. Хотим туда наведаться. Ты как на это смотришь?

Девчонки при слове танцы оживились и что-то запищали. Быков тоже радостно засопел. Бл*ха муха! Один я, что ли, понимаю, что такое деревенский клуб, когда туда приходят городские? Хотел было сказать, что танцы – это не мое и что лучше нам всем по домам разбежаться, но, судя по флюидам радости и предвкушения, витающим над головами моих друзей понял, что мне их не переубедить. Разве что если только колеса у “Волги” проколоть и поспешить на электричку. Ладно. Хрен с ними. Танцы, так танцы. Может, все обойдется. Мы же со своими девушками придем. На генофонд местных претендовать не будем...

Глава 5

Деревенька оказалась немаленькая. Почти село. Считается, что село от деревни отличают по тому, есть ли там церковь, но в семидесятые церквей и так почти не было. На каждый действующий храм приходилась пара-тройка десятков заброшенных и оскверненных религиозных строений. Зрелище было удручающее. Скелеты прошлого величия с забытым колокольным звоном и тленом вероисповедания. Сейчас и Библию-то нигде не достать. В семидесятых печатали ее разве что нелегально, на пожертвования верующих, и стоимость такого томика доходила до месячной зарплаты. Хотя некоторые особо верущие и у букинистов умудрялись достать дореволюционные издания, получалось даже не слишком дорого. Все же не какая-нибудь "История русской смуты" Деникина.

Советская энциклопедия черным по белому разъясняла, что Иисус Христос – личность, что ни на есть мифическая, а Библия – “сборник еврейских мифов, которую ушлые церковники используют в целях затмения сознания народа”. Вместо Священного Писания рекомендовалась к прочтению “Забавная библия”, наполненная сомнительными карикатурами и высмеивавшая религию. Сатирическая книга была написана еще в девятнадцатом веке каким-то французским атеистом, но в СССР по понятным причинам до сих

пор пользовалась популярностью и неоднократно переиздавалась.

Раздавив несколько свежих парящих коровьих лепешек, наша “Волга” резво въехала в деревню. В голове у меня заиграла песня:

*“Едем, едем в соседнее село на дискотеку,
Едем, едем на дискотеку со своей фонотекой”.*

Стая гусей, хлопая крыльями и вытягивая шеи, встретила чужаков звонким гоготом. Откуда-то сбоку выскочила коренастая кривоногая шавка (сразу видно, что двор-терьер, как минимум в десятом поколении). Заливалась лаем, она скакала рядом, не отлипая от нашего переднего колеса. Показала, значит, всей улице, кто здесь папка.

Машина подпрыгнула на колдобине. Девчонки взвизгнули, а Зинченко пришлось сбавить ход. Удивительное дело, дороги внутри села оказались в разы хуже, чем за его пределами. Раскатанную колею в промоинах, присыпанную золой, вообще с натяжкой можно было назвать дорогой. В дождь на такую “магистраль” лучше не соваться, иначе придется “Беларусь” колхозный вызывать.

Бревенчатые дома уставились на нас маленькими оконцами с голубыми резными наличниками и массивными ставнями.

– Куда дальше? – Зинченко крутил головой. – Ну и ме-

стечко... У меня кеды новые. Заграничные. Не хочу в них грязь месить. Дефицит вообще-то.

– Давай у местных дорогу спросим, – предложил Быков. – Вот как раз магазин, заодно сигарет купим. Тормози.

“Волга” остановилась возле ветхой деревянной постройки с прибитой над дверью дощечкой, на которой краснела трафаретная надпись с засохшими потеками: “Магазин № 3 Райпищепрома”.

Местная Мекка. И название сложное. В городах магазины назывались попроще, по названию продуктов первой необходимости: “Вина-Воды”, “Хлеб”, “Молоко”, “Мясо”, “Рыба”. У мужчин наибольшей популярностью пользовался, конечно, первый магазин. У женщин – последние два. У детей, которых “снаряжали” за покупками, выдав копеечки под счет, второй и третий.

Сейчас село еще жило. Жизнь бурлила, и молодежи полно. После учебы не принято было “урбанизироваться”. Многие после ПТУ и техникумов возвращались в родной колхоз.

Скрипучая дверь магазина распахнулась и выплонула наружу довольную женщину с булкой кислого “кирпича” и двумя бутылками водки... Сразу видно, что тетя, по местным меркам, зажиточная: на ногтях чуть облезлый телесного цвета лак, прическа Леонтьева после недавних бигудей, одета в серую длинную юбку и модную спортивную кофту на молнии. На ногах шерстяные носки и новенькие лаковые калоши. Такая фифа сразу выделялась на фоне серости прохожих

в ватниках и кирзачах.

— Мамаша, — высунулся из машины Зинченко, — подскажите дорогу в клуб!

Я поморщился. Не умеет Зинченко с женщинами разговаривать. Тем более, это не просто женщина, а явно звезда местного пошиба. Может, жена главного агронома или даже директор школы.

— Да какая я тебе мамаша?! — тетя гневно звякнула бутылками под мышкой и, демонстративно отвернув моську, летящей походкой, словно из мая, прошагала мимо.

— Не понял, — пожал плечами Зинченко. — Чой-то она обиделась вдруг? Черт с ней. В магазине спросим.

Мы ввалились гурьбой в дощатый домик. Если в городе магазины строились, как правило, на первых этажах панелек, то в деревнях это были отдельные здания, как правило, ветхой наружности и престарелого года изготовления.

Каждый такой магазинчик имел свою неповторимую ауру, одновременно походя и не походя на своих сельских собратьев. У каждого свой запах, цвет окрашенных стен, скрип толстенных досок-половиц, протёртых до глубоких канавок.

За дощатым прилавком, опершись локтями на столешницу в позе камасутровской “Зю”, скучала продавщица в белом бесформенном халате и ситцевой косынке набекрень. За ее спиной скривились в приветственной улыбке полупустые полки с незатейливой бакалеей. Колбасы и прочей копченой рыбы в магазине и в помине не было. Зато в достатке были

водка и “Дюшес”. А еще минералка, непременно в бутылках из зеленого стекла.

– Здравствуйте, – Зинченко первым подошел к прилавку.

– Здрас-ти, – ответила женщина, чуть поморщившись, будто делала нам одолжение.

– Дайте нам сигарет. Лучших в этой дыре!

– Гляди-ка ты! – продавщица оживилась, всплеснула пухлыми руками. – Магазин ему наш не нравится! Ходят тут всякие!

Женщина с надеждой смотрела на Зинченко в ожидании “сдачи”. Хотя какое-то развлечение в сельском магазине. Наконец нагрянули городские, и можно спокойно с ними всласть повздорить. На своих-то сильно не поорешь. Вмиг сплетни по селу разнесут, что продавщица Галка с утра покупателей облаяла, а все потому, что муж ее, комбайнер, дома не ночевал, а давеча видели его на ферме, где Лилька, доярка молодая всех своими удоями удивляет и допоздна задерживается. Только гавкни, вмиг припишут то, чего не было. Не успеешь чихнуть, как по всей деревне разнесут, что болеешь, а на другой день уже родственникам соболезнования передадут в связи со скорой кончиной. Хотя и знают друг друга все с малолетства и всех родственников до седьмого колена, но если, к примеру, прапрадед обидел кого-то из соседей, то об этом помнить будут всегда, и его грех будет на вас, как клеймо. Ведь в деревне человек всегда под прицелом. Даже если на улице не видно ни души – не верьте! Из каждого окошка

из-за горшка с геранью на вас смотрят бдительные сельчане. Самое популярное и массовое сейчас развлечение в деревне (после танцев, конечно) – это в окна глазеть.

Да и чревато блажить на местных. Тут ведь каждый друг другу брат и сват, и дети у всех в одну школу ходят и колотят друг друга. А тут такая возможность выплеснуть скопившуюся за трудовую неделю злобушку.

Зинченко, конечно, ответил, порадовал тетку, не дал ей скиснуть:

– Да я не про магазин ваш. Магазинчик очень даже ничего, деревянный правда, как уличный сортир, и запах такой же, но я к нему претензий не имею, я про село в целом: вместо дороги канава, вместо прохожих коровы, из украшений уличных только лепёхи говяжьих и “газоны” из бадалыг засохшей крапивы. Грустно мне такой пейзаж лицезреть, нет в нем прелести русской глубинки.

– А ты мою деревню не трожь! А то щас как мужиков кликну, они тебя быстро в прелесть мордой макнут. Ишь ты! Деловой нашелся! Припрутся из города и хаут нас. Вот тебе сигареты, плати и уматывай!

Продавщица удовлетворенно выдохнула и с благодарностью швырнула на прилавок красную пачку “Примы” за 14 копеек.

– А других сигарет нет? – поморщился Зинченко. – Они ж без фильтра даже.

– А у нас других и не берут! Князя нашлись!

– Ладно, – Зинченко отсчитал мелочь и сыпанул ее в исцарапанное блюдечко, стоявшее на прилавке возле огромных, похожих на стиральную доску деревянных счет. – Спасибо, девушка!

При слове “девушка” мать троих детей (если с мужем считать – тоже детина великовозрастная – то четверых) расплылась в счастливой улыбке. День сегодня явно прошёл не зря. И поорать получилось, и девушкой обозвали, еще бы мужа из коровника пригнать метлой поганой, и жизнь вообще удалась.

– Кстати, – Зинченко обернулся уже в пороге. – Забыл спросить, а где здесь сельский клуб?

Продавщица злорадно улыбнулась:

– Да тут недалеко...

* * *

Машина подкатила к местному ДК. В отличие от других поселковых построек, он отличался статью и кирпичной кладкой. Белыми оштукатуренными колоннами при входе, что подпирали крышу. Чуть ниже черепицы висел огромный барельеф в виде герба СССР в перекрестье знамен. Еще ниже такая же вычурная надпись: “Искусство принадлежит народу”. А под ней в самом центре буквы покрупнее наляпаны: “КЛУБ”. Чтобы, значит, точно не спутать.

Уже стемнело, и главное действо субботы началось. На

крыльце клуба толпился народ.

Зинченко был намерен подогнать “лимузин” прямо к крыльцу. Но я убедил его переставить машину подальше в темный переулок, чтобы лишний раз не нервировать “золушков” нашей каретой. Он еле согласился. Очень уж ему хотелось шикануть перед местным бомондом.

Мы вылезли из машины и направились к ДК. Адреналин приятно щекотал нервы, наливал мышцы кровью, делая каждый мой шаг выверенным, а походку пружинистой. Шел на дискотеку, как на войну. Я прокручивал в голове возможные варианты дальнейших событий. Первый и самый вероятный, это тот, когда при виде нас местные скучкуются и зададут насущный и животрепещущий для них вопрос: "Вы ваще кто такие?! Чё вам здесь надо?!"

Во всяком случае, так всегда было в мою юность в конце восьмидесятых и начале девяностых, когда я оказывался на сельских дискотеках. На нападки местных тогда я безрассудно отвечал: "Да ты сам, мля, кто такой...". Слово за слово, и перед клубом начинался махач. Если местные нас побеждали, то славились на всю деревню героями, сразу бежали покупать по такому праздному случаю целую флягу бражки. Если же приезжие оказывались просто невероятными Джеки Чанами и навешивали численно превосходящим “варварам” тумачков, то они дискотеку и танцевали. В первом случае все обходилось без последствий и ограничивалось несколькими синяками. Во втором – такая победа ничего хорошего нам не

сулила. Как правило, на следующий день местные с распухшими рожами, а кое-кто и с некомплектom зубов, собирали всю деревню и вызывали городских на нейтральную территорию в чисто поле, где еще Мамай с Дмитрием Иоанновичем отношения выяснял, чтобы восстановить бесчестно попорченную справедливость и надавать оборзевшим городским по щам.

Но был еще и третий вариант развития событий. Мирный. Случался он гораздо реже и происходил, если приезжим удалось закорешиться с местными, встретив среди них кого-то из знакомых. На такой расклад я сегодня и рассчитывал. Пару раз у нас так и получилось. Но если местные даже и принимали приезжих, то это один фиг было до первого недоразумения. Более шаткого мира и представить себе нельзя.

Помню, захотел я как-то потанцевать с местной красоткой в сельском клубе. Подошел, приглашающе приобнял, а тут еще и Боярский затянул про такси с зеленым глазом. Душевно так запел, что девчонка растаяла и готова была со мной хоть на край света на этом самом такси уехать. И я такой – хоп, закружился с ней, нагло нарушая дистанцию пионерского расстояния. Compliments ей сыпал и шептал на ушко что-то романтическое и загадочное типа: "М-м, знатные валенки. Сама катала?".

И вроде все хорошо, но счастье ж в жизни долгим не бывает. Это только в кино хэппи-энд – и сразу титры. Створки

двери распахнулись, и в зал ввалился её парень в дембельских веревочках крученых и прочих побрякушках (говори-ли, год уже так ходил). Пьяный и злой и на груди тельняшку рвет. Удар, второй, но меня нелегко достать. Я по местным меркам трезвый (всего стакан спирта вылакал). Зуботычи-ной охлаждаю его пыл. У девушки скрытый восторг, а у меня очень короткая минута славы. Тут, конечно, подключаются его дружки. Меня немедленно выволокли на улицу и дружно попинали. Ну а потом подросли мои друзья, и вот уже в ход идут вырванные из соседних палисадников штакетины.

Дискоотека удалась. Местные потом неделю мазали бошки зеленкой, а мы вставляли в помятый “Москвич” новые стек-ла. Готовились на следующих выходных посетить другое се-ло.

Мы подошли к клубу. На лавочке возле него кучковались местные пацаны и пили что-то горячее. Эдакая погранзаста-ва. Если через нее прорвемся, то дальше проще будет. Тут сидят парни постарше, которые не утруждают себя дрыга-нием под музыку. Не по чину им такое занятие. Они вальяж-но потягивают бражку и следят за порядком. Щипают за зад проходящих девчонок и отвешивают подзатыльники непра-вомерно, по их мнению, забредшим сюда додикам.

Некоторым местным тоже не так просто было посетить клуб. Это днем они соседи или одноклассники, здрасьте-по-касьте. А вечером сельский клуб превращался в строго структурированную иерархию. Пришел в первый раз на дис-

кач – не жлобись и угости мужиков куревом, а если попросят – сгоняй за самогонкой или бражкой. Веди себя прилично и набей чужаку морду. Вот тогда ты свой и можешь спокойно и дальше ходить в клуб.

– Опа, какие люди, и без охраны... – завидев нашу компанию, присвистнул один из выпивающих “трактористов” с закатанными рукавами клетчатой рубашки и в новеньких кирзачах. – Угостите сигареткой...

Зинченко было раскрыл рот и необдуманно хотел выдать что-то вроде “самим мало” или “на халяву и уксус сладкий”, но я его перебил, повернулся и настойчиво проговорил:

– Угости ребят “Примой”, – и, не дожидаясь его ответа, сам выудил у него из кармана куртки только что купленную пачку.

Подошел к “погранзаставе” и протянул пачку “трактористу”, судя по всему, он среди них старший:

– Сдачи не надо.

– Хм-м... Пасиб... – опешил тракторист, а я не дал ему опомниться и продолжил.

– Спасибо не булькает, наливай за знакомство. Андрей меня зовут, – я протянул ему руку.

– Егор, – пожал в ответ мою тракторист. – Откуда будете? Где таких девчонок красивых раздают?

Я повернулся к своим и махнул:

– Идите внутрь, я вас догоню, с ребятами хорошими познакомился. Пообщаюсь пока.

Повернулся к местным, чья-то рука уже протянула мне металлическую кружку с черным пятном отколотой эмали. Из кружки пахнуло кислятиной. Бражка. Я выпил залпом, довольно крякнул, чем вызвал одобрение окружающих. Те загудели, мол, своя паря, даже на городского не похож. Те от браги всегда нос воротят, за что и по сопатке регулярно получают. А этот и закуски не просит, а протягивает кружку для штрафной.

Контакт с аборигенами проходил пока без эксцессов. Пять минут – полет нормальный. Но чуйка мне подсказывала, что не все будет гладко, как хотелось бы. Жаль, что чуйка у меня оперская и, падла такая, ошибается редко...

Глава 6

Следующую порцию бражки я лишь пригубил, но для пущей реалистичности сделал несколько пустых глотков. Пока местные щелкали клювами и гоготали по поводу анекдота от Егора, который рассказал, что лучшим инструментом для ремонта трактора до сих пор считается кувалда – только замахнёшься, говорит, ею на полусонного тракториста, как трактор сразу же начинает работать, я незаметно выплеснул пойло на землю.

Огляделся, как воришка – не увидел ли кто кошуинства. Но все были увлечены очередным тостом за то, чтобы простым рабочим в Америке жилось также прекрасно и весело, как работагам в Союзе.

Правильный тост. Меня аж гордость за наш народ взяла. Живут небогато, но за других радеют. Не знают, что там не все так плохо, как им хочется. Хотя в США сейчас тоже дурдома хватает. Советские ученые, как мы помним, отправили в космос собаку Лайку, заранее зная, что она погибнет. После этого в ООН пришло письмо от группы женщин из штата Миссисипи – они потребовали осудить бесчеловечное отношение к собакам в СССР и выдвинули предложение: если для развития науки необходимо посылать в космос живых существ, то в нашем городе для этого есть сколько угодно негритят.

Я спрятал свою кружку за спину, чтобы избежать очередной штрафной. Трезвым мне в ближайшее время уже не быть, но на ногах остаться хотелось бы. Не привык мой реципиент к таким возлияниям. Деревенские в этом плане народ более закаленный, хотя возможностей дружить с зеленым змием у них было меньше, чем в городе. Днем работа в колхозе, вечером и в выходные у себя на подворье. Занятость круглый год, пить особо некогда. Так, если в поле на обеде, пока агроном или председатель не видят. Поэтому в деревнях кто не работал, тот не ел. Просто пил.

Дверь клуба распахнулась, и на улицу выскочил парень в рубахе с надорванным рукавом и всклокоченными волосами. Из разбитой губы капала кровь, а под глазом наливался синяк. Таким же надорванным голосом он прохрипел, призывно сотрясая кулаками:

– Мужики! Наших бьют!

Его мученический вид и трагизм в возгласе всколыхнули деревенских. Подействовали на них, словно призыв на войну: “Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...”

Ну капец! Первой моей мыслью было то, что Быков кого-то отоварил. Сейчас ведь его зашибут толпой. На Зинченко вообще надежды нет. Боец из него, как из осла скакун.

Компашка бросилась внутрь ДК. Оттуда уже раздавались девчоночьи визги и сочные мужские маты. Я рванул следом, готовясь вытаскивать оттуда наших и по пути примериваясь к потенциальным противникам. Если что, буду первым бить.

Так хоть какое-то преимущество будет. Может, и прорвемся. Сходили, бл*дь, на танцы!

Внутри клуба оказалось непривычно светло. Клуб не ночной, и иллюминация не предусмотрена. В центре какая-то свалка. Клубок дерущихся разогнал посетителей по углам. Первым желанием было вклинуться в самую гущу за Родину и спасти своих. Но меня неожиданно кто-то схватил за рукав. Я уже замахнулся, чтобы пресечь бесцеремонное действие ударом в ухо.

– Андрюха, ты что? – вытаращился на меня Быков. – Это же я!

Зинченко, девчонки и он были в стороне от свалки. На сердце отлегло.

– Тьфу ты! Я думал, вы драку затеяли!

– Я, конечно, боксер, – ответил Антон. – Но не бессмертный.

Он прав. Одиночный бокс на деревенской дискотеке мало эффективен. Спортсмен привык работать по правилам против одного соперника. А когда правил нет и вообще “по спине лопатой – на”, причем сзади исподтишка – ловить нечего. Пока вырубешь одного, на его месте вырастут трое.

– Что случилось?

Мы отошли в сторону, к своим.

– Тут бабу не поделили, – Быков кивнул на дерущихся. – Один хмырь начал, а за него вступились его братья, и понеслась.

Братьев оказалось четверо, от призывного возраста до седых висков. Многодетные семьи сейчас не редкость, и колхозные династии процветали вовсю. Егор свою компашку направил в гущу битвы. Воины добра мешались друг другу, а их авангард вообще плохо держался на ногах. Их даже бить не надо было, некоторые, пока бежали, запутались в собственных ногах и попадали на пол.

Братья же, все крепкие лбы за метр восемьдесят, бились слаженно и дружно. Судя по их координации и швыдким выпадам, пришли они на мероприятие совсем недавно и еще не успели принять на грудь, что делало их еще более неуязвимыми.

Ватага Егора разбилась о них, как нестройные волны о твердь мола. “Диджей” вырубил “пластинку”. Тут в зал ворвалась бойкая билетерша-фронтowичка с громогласным криком:

– Сейчас милицию вызову!

Она врубила свет поярче и что есть мочи дунула в свисток дружинника.

Переливчатый свист и освещение подействовали отрезвляюще, и разогнали дерущихся по углам, словно тараканов. Да и слово “милиция” подействовало магически. Хотя ближайшее отделение в райцентре, и до него километров двадцать, не меньше.

Егор, как истинный полководец, наблюдал за действием со стороны и сам в бой не лез. Его сотоварищи, зализывая раны,

помогали друг другу подняться. Обошлось все без серьезных потерь. В семидесятые кодекс “лежачего не бьют” свято чтился. Достаточно было упасть на пол и притвориться ветошью, и можно быть уверенным, что больше не огребешь. В девяностые такое не проканало бы. Деревенские драки в этом плане вызывали уважение.

– Успели хоть потанцевать? – улыбался я перепуганным девчонкам. – Хотели на танцы – получите, распишитесь.

Соня потянула меня за рукав:

– Поехали отсюда, дикие здесь все, да и музыка не нравится. Хриплая какая-то.

Лиза прильнула под крыло Быкова, и Зинченко тоже пытался укрыться за его могучей спиной. Вся его спесь улетучилась, как только дело запахло жареным. До него наконец дошло, что тут, прежде чем в тыкву стукнуть, никто фамилию не спрашивает, и на заслуги папаши всем глубоко начхать. Здесь все проще. Кто сильнее, тот и прав. Но правоту постоянно отстаивать надобно. Как в стае. Если Акела промахнется, на его место придет другой.

Билетерша (оказавшаяся по совместительству завклубом), привычная к таким казусам, во всеуслышание заявила, что, мол, морды бить только на улице, иначе танцы прекратит и деньги уплоченные никому возвращены не будут.

Тут уже общественность недовольно загудела на конфликтующих. Дескать, из-за вас, алкашей, такое мероприятие срывается. Шли бы вы на... Улицу. Братья поняли, что

праздник для них на сегодня окончен, и поспешили ретироваться. Под угрозы и выкрики со стороны Егоркиной банды они покинули клуб. Но вдогонку за ними никто не спешил. Дураков не нашлось биться с ними “в чистом поле”, где им никто не помешает и преимущество будет на стороне братьев. Когда “виновники торжества” прошмыгнули мимо нас, я узнал одного из них. Высокий, длиннорукий, похожий на Дольфа Лундгрена с непробиваемым лбом и широкими скулами. Это оказался мой старый знакомый – Сипкин, курсант из Новоульяновской школы милиции, что был моим соперником на соревнованиях по боксу. Наверное, в увольнении, приехал на выходные в родную деревушку. Теперь понятно, откуда навыки ниндзя у братьевьев. Возможно, они вообще все из спорта. Секций, конечно, в деревне и в помине не было, но в студенчестве могли запросто освоить навыки мордобоя.

Мы благополучно покинули ДК. Вечер удался на славу. Зрелищ хапнули в достатке и при этом сами без единой царапины остались.

– Поехали домой, – сказал я еще немного трясущемуся Зинченко. – Хватит на сегодня приключений.

Тот одобрительно закивал, похоже, что он первый раз в жизни увидел групповую потасовку.

Мы погрузились в “Волгу”. Я развалился на заднем сиденье, Соня прильнула ко мне:

– Где ты был? Мне так стало страшно.

Я чувствовал, как ее волосы щекочут щеку. Повернулся и поцеловал ее.

* * *

– Ну что? Рассказывай! – После утренней планерки у Горохова мы с Погодиным уединились в фотолаборатории, чтобы обсудить дальнейшие планы. – Удалось машину обыскать?

– Все пучком, – заверил я. – Вербка там есть подозрительная, на удавку похожа, и плед ворсистый.

– А при чем тут плед?

– Волокна на жертвах были, помнишь? Я образец от пледика отщипнул и отдал химикам, чтобы сравнили неофициально.

– И-и?

– Пока результата нет. Представляешь! У них, бл*ха муха, микроскоп, видите ли, сломался. Ждем, когда запчасть какая-то с завода придет. Придется потерпеть...

Вот так лазаешь без санкций черти где, а в итоге все упирается в какие-то дурацкие винтики.

– А если волокна совпадут, что делать будем?

Тут ответ был только один, хотя вряд ли меня за самостоятельность по головке погладят.

– Поделимся наработками с Гороховым, пусть через Москву решает, как Зинченко прищучить.

– А вдруг это не Зинченко? А его сынок? Тебе в голову такая мысль не приходила? Сам же говорил, что парень шатких правил, непутевый и до баб охоч.

– Не знаю... Думал об этом. Но Женька для таких дел слишком мелок, мне кажется. Он, конечно, хорохорится на людях, но когда петух жареный клюв раскрывает, тот в бутылку никогда не лезет и сразу на Север собирается... За Шер-Ханом. А вот батя его настоящий Шер-Хан. Подлый и властный. Я больше к его кандидатуре склоняюсь, хотя в твоих словах есть зерно истины. В жизни обычно маньяки не особо-то бойкие. Живет себе человек, серенький и скрытный, так и не подумаешь сразу, что убийца серийный.

– А ты откуда знаешь, – Погодин вскинул на меня бровь, – какие маньяки бывают?

– По радио слышал.

– По радио про такое не рассказывают.

– По другому радио, “Голос Америки” называется...

* * *

Вечером вернулся домой поздно. У Соньки опять мать была в ночную, и она заманила меня к себе. После сладкого вечера с ней еле заставил себя пойти домой.

Разулся в прихожей и хотел было прошмыгнуть в свою комнату, но напоролся на мать.

– Ты почему не спишь? – я от неожиданности вздрогнул.

– Телефон разбудил, – нахмурилась она. – Тебе Гоша какой-то звонил. Кто такой Гоша? Друг, что ли твой новый?

– Это по работе... Что он сказал?

– Ничего, – мать пожала плечами, – просил его навестить, как сможешь. Но сказал, что это очень срочно. Ты куда, сынок? Разве до утра дела не подождут? Это из-за Гоши?

Я уже снова обувался и надевал куртку:

– Дело важное, мам, совсем забыл, надо в одно место смотаться. Ты не волнуйся, скоро буду!

– А ужинать?

– Я поел.

– Где это ты поел? – мать уперла руки в бока.

– В гостях, мам...

– И когда ж ты этих гостей к нам приведешь? – мать хитро прищурилась.

– Зачем?

– Со мной познакомить.

– Таких гостей, мам, с родителями не знакомят. Все. Дверь замкну. Тебе спокойной ночи, я ушел...

Я вышел на лестничную площадку, чувствуя спиной, как мама качает головой. Ничего. Переживет. Могут же у сына быть личные тайны. У реципиента, похоже, никогда не водилось. Но Андрей Петров уже давно не тот. Пора ей привыкнуть...

Общественный транспорт уже почти не ходил. До ресторана “Октябрь” пришлось добираться на такси, которое

удачно тормознул на улице.

Швейцар при входе сразу узнал меня, не стал ни о чем спрашивать. Память на лица у него отменная, профессия такая. “Ряженный” учтиво распахнул передо мной дверь, на которой, как всегда по вечерам, болталась табличка: “Мест нет”.

Гоша сидел на своем месте. Глаза пьянее обычного, сразу видно, что прицел сбит. Чем-то расстроен. Меня позвал, значит, есть новости.

– Привет, Курсант, – не вставая с диванчика, Гоша протянул руку и одновременно кивнул своим гамадрилам. Те поспешили оставить нас вдвоем.

Гоша дождался, пока они отойдут подальше, и выставил на уже опустевший стол портфель из коричневой кожи. Щелкнул бляхой пряжки и, откинув клапан, запустил в него руку:

– Это мой человек нашел в квартире Зинченко.

Гоша выудил на стол... Видеокассеты. Вот блин, я надеялся, что там улики посерьезнее, и уже приготовился высказать ему претензии, мол, зачем их вытащили из квартиры, нам же их под протокол официально изымать потом надо будет, чтобы было чем доказывать, а тут видеокассеты. Я взял одну, на одной из них красовались голые тети похотливой и одновременно “гостеприимной” наружности с томными глазами и полуоткрытым ртом. Название фильма на немецком, “Josefine Mutzenbacher”, ясно говорило о содержимом.

Еще три кассеты с подобными шедеврами немецкого кинематографа.

– Знаешь, что это? – спросил Гоша.

Я решил не шокировать его своими познаниями в VHS-формате (первые домашние видеомагнитофоны в СССР еще не производились, лишь некоторым счастливицам удавалось привезти из заграничных поездок иностранную технику) и недоуменно пожал плечами.

– Это называется видеокассеты, – нравоучительно пояснил катала. – С записями пикантных фильмов без перевода.

Голос у него при этом был уж очень знающий.

– Зачем ты их забрал из квартиры? Зинченко может понять, что у него кто-то был.

– Ты же сам говорил, что искать нужно что-то необычное. Тем более, домушник мой не понял, что это такое. И взял, так сказать, для образца. Не беспокойся, Зинченко не заметит пропажи. Такого добра у него полшкафа. Вряд ли он хватится пары-тройки видеокассет. Наш маньяк обожает порнуху. Теперь твой ход. Думай, как его прижать!

– Больше ничего не нашли интересного? – разочарованно проговорил я.

– Нет, а что, этого мало? – Гоша удивленно приподнял брови. – Да у него там целая порноиндустрия. Его же за жабры можно взять!

– Индустрия, это когда производство и продажа, а если для себя, то, по нынешним временам, аморалка и поганой

метлой из партии. Только что нам это даст? Озlobится, насторожится и на дно заляжет. А нам доказательства нужны его причастности к убийствам, а не к просмотрам сомнительных фильмов.

– И что я тебе должен был найти? Трупы в шкафу?

– Кассеты я заберу. Если понадобится, будет чем надавить на Зинченко. Только это не преступление.

Гоша хлопнул по столу кулаком:

– Он же извращенец чертов! Это о многом говорит!

– В том-то и дело, – покачал я головой, – Что сексуального подтекста в убийствах не усматривается. Мотив убийцы нам не понятен.

– И откуда ты такой умный взялся? Умеешь настроение испортить. Принес мне домушник кассетки, я уже обрадовался. Вот он, наш извращенец, попался. А ты так все складно по полочкам разложил, что все мои цепочки прахом пошли.

Я промолчал, не знал Гоша, что в будущем таких “извращенцев” каждый второй будет. Это сейчас “клубничка” под запретом. В восьмидесятых, с расцветом видеомагнитофонов, охота начнется на потребителей такого контента. Свет будут вырубать в видеосалонах и врываться внутрь. Когда нет электричества – кассету не вытащить. Так сказать, с полочным попались. Не только эротика запрещена, но и фильмы вроде “Крестного отца”. Бред, конечно, но в нашей стране много бреда было. А сколько еще будет...

– Есть зацепка, – попытался успокоить я Гошу. – В машине Зинченко я волокна нашел, похожие, что по делу изъяты были. Жду результатов экспертизы.

– Ты только, как узнаешь, мне сразу сообщи... Ладно? – спесь с Гоши сошла, и глаза были, как у побитой собаки.

– Договорились, если пообещаешь не устраивать самолич-ные расправы.

Мы попрощались, и я поехал домой. Гоша любезно представил мне своего водителя с машиной. И машина была именно белой “Волгой” новой модели. Я присмотрелся к водителю – готов был уже в каждом видеть маньяка. Но улыб-чивый старикан с брюшком и обвисшим, как у бульдога, ли-цом никак не походил на убийцу. Да и физически он не вы-везет молодых и сильных девушек душить. От него бы те от-бились.

Тут мне в голову закралась одна навязчивая мысль: “А мо-жет, кассетки это не папашки, а сына?”. Надо будет как-то это выяснить. После поездки на природу Зинченко-млад-ший к нам уже в друзья-товарищи записался. Хотя Лиз-ка его и бортанула, нагло и опрометчиво променяла такого неотразимого и обаятельного стилигу в немецких кедах на быдловатого боксера, Женька на нее не обижался. Видно, не слишком она ему понравилась. Ему больше Сонька по душе пришлась. Но, на мое удивление, Сонька оказалась кремень. Не клюнула на заграничный прикид, карманы, полные руб-ликов, и новенькую “Волгу”. Либо изменилась она (хотя про

горбатых пословицу никто не отменял), либо я в женщинах перестал разбираться. Золото от медяшки не отличал – как и положено юнцу.

Глава 7

Будильник дребезжал особенно мерзко и громко, будто его в пустое железное ведро уронили. Станный звук. Я открыл глаза. В моей комнате темень. Странно, что-то часы сбились и будят меня среди ночи. Сел на кровати и протер глаза – только тогда понял, что это был не будильник, а городской телефон.

Черт! Какого хрена среди ночи звонить? Нам и днем-то редко кто названивал. Трошкин или Быков иногда, и матери пара подруг. Но не за полночь же.

В голове мелькнула нехорошая мысль: что-то случилось скверное, раз ночью звонят. Я пошлепал к телефону.

– Алло, – пробурчал я и спросонья чуть не выдал: “Слушаю, Нагорный” – заученную фразу из прошлого, которую всегда говорил, когда поднимал трубку ночью, потому что знал, что сто процентов по работе домогаются.

– Петров, разбудил? Это дежурный Степанченко, у нас убийство. Девушка молодая, предположительно, задушена. Горохов распорядился поднять тебя и еще кое-кого из его группы. Так что собирайся и дуй в УВД.

– На чем я тебе приеду, на палочке верхом? Отправляй за мной машину, – снова я выдал фразу из прошлого. Теперь точно вслух.

– Ты что, Андрей? У нас на все управление две машины

на ночь работают, сам как-нибудь давай.

– Ладно, ты мне скажи, где труп? Адрес.

– На Набережной в районе дома 54. Там, в рощице. Только что обнаружил мужик, что бессонницей страдает. Он с собакой пошел прогуляться. ППС там пока место оцепили, вас ждут.

– Понял, передай Горохову, что я сразу на место подъеду, один фиг такси вызывать, – я сбросил звонок и набрал номер такси.

Наскоро оделся, зажевал по пути пару пирожков с капустой, что мать вчера принесла от тети Клавы (принято раньше было соседей пирогами и булочками домашними угощать) и вышел на улицу. Из материной спальни ничего слышно не было, не разбудил, значит.

Ночь холодная, скоро зима. Я поежился, прогоняя остатки сна. Воздух тяжелый и мокрый. Луны не видно, будто испугалась и спряталась в черноте неба. Совсем недавно закончился дождь. Мертвым светом отливали лужи.

Со дня убийства Зины еще двух месяцев не прошло, а маньяк снова активизировался. И кто в такую погоду поперся на Набережную? Ведь знают все в городе, что душитель орудует, нет же, какая-то курица поперлась на ночь глядя на реку гулять. Странно...

Подъехало такси. Белая “Волга” новой модели. Я даже вздрогнул. Как символично. В этот раз сел на переднее сиденье, чтобы прощупать водилу. Теперь я в каждом человеке

на белом “ГАЗ-24” видел маньяка, хотя и таксистов мы тоже прочесали.

Водитель, деревенского вида мужик, морда кирпичом, ба-совитый голос, оказался простым, как два рубля. Всю доро-гу мне втирал, как наши мужики на чемпионате мира по во-лейболу в Италии неделю назад всех разбомбили, и в пятый раз в своей истории сборная СССР стала чемпионами.

Я молча слушал и кивал. Страна, имеющая огромную тер-риторию, одержавшая победу в крупнейшей войне, сейчас соперничала (как, впрочем, и в будущем) с Соединенны-ми Штатами за мировое лидерство. Мы просто обязаны бы-ли поддерживать свой статус победителя на международной арене. Война в Афганистане еще не началась, и все соперни-чество пока выливалось в спорт. Советские спортсмены, что громили соперников на мировых чемпионатах, были героя-ми мирного фронта. Победрами, так сказать, демонстрирова-ли правильный курс развития страны.

Естественно, при таком раскладе развитию спорта прида-валось огромное значение. Биполярность послевоенного ми-ра держала спорт в СССР в постоянном тонусе. Сейчас ак-тивно развивались военно-прикладные виды спорта, спор-тивное ориентирование, единоборства, стрельба. Продолжал набирать популярность комплекс “Готов к труду и оборо-не”. Стояла насущная задача вырастить здоровую, сильную и крепкую нацию, готовую дать мощный отпор любым врагам.

Почти в каждом дворе стояла “хоккейная коробка”, кото-

рая летом превращалась в футбольное поле. На детских и спортивных площадках повсюду были турники и брусья.

И даже “офисный планктон” этого времени не остался в стороне. В учреждениях, на предприятиях, а также в учебных заведениях проводили производственную гимнастику. Мероприятие, конечно, при всей добровольности, принудительное. Рабочие в определенное время под команды, доносившиеся из радиоприемника либо от специального инструктора, начинали дружно приседать и бегать на месте.

Пропаганда работала в полную мощь: повсюду висели плакаты о пользе физических упражнений, по радио каждый день шла “утренняя зарядка”, а школьники и студенты обязаны были сдавать те самые нормативы ГТО.

Массовым спортивным увлечением в те времена считался обруч. В основном, конечно, его крутили женщины, но зато буквально везде: дома перед телевизором, на улице, в парке. Еще одним домашним атрибутом красоты и здоровья был металлический крутящийся диск. Взрослые делали на нём упражнения, а вот дети садились на него в позе “лото-са” и крутились, пока перед глазами звездочки с птичками не начнут летать, как у кролика Роджера. Других домашних тренажеров, если не считать пружинных эспандеров и резиновых колец для жима пальцами, пока не изобрели.

Машина вырулила на набережную. Редкие огоньки фонарей робко разливали свет на заросли плакучей ивы. Где-то здесь чуть больше года назад убили Веру Соболеву. Она ста-

ла первой жертвой маньяка. Первой – но, как оказалось, вовсе не единственной.

– Куда дальше? – спросил водитель, всматриваясь в темноту. – Что это там впереди? Случилось чего, что ли? Машин столько понаехало. Авария, поди? И милиция стоит...

– Авария, – кивнул я, чтобы отделаться от лишних распросов. – Останови, шеф, возле машин.

– Так ты тоже милиционер? – удивленно уставился на меня таксист.

– Нет, я понятой, – отмахнулся я и вылез возле служебных “Волг” и “УАЗов”.

Ошеломленный водитель уже ничего не ответил, получил деньги да смотался поскорее.

Впереди темноту рощицы резали многочисленные лучики фонариков. Кривая размокшая тропка вела меня прямо туда. Я подошел к кольцу людей в форме и штатском и огляделся. Горохова с нашей бандой еще не было. Пока всех соберет из дома – мы тут успеем поработать. Зато здесь были дежурные наряды и старший следователь прокуратуры по особо важным делам, товарищ Дубов с неизменной своей прекрасной помощницей Галей. Та уже строчила протокол осмотра, и опять с головой ушла в работу, отрешившись от происходящего вокруг. Интересно, она когда-нибудь улыбается вообще?

– А, Петров! – Дубов протянул лапу. – Ты один? А где Паутов?

Наконец-то он стал меня узнавать. Прогресс.

– Наверное, скоро будет, – пожал я плечами. – Я здесь не как криминалист.

– Не понял?

– Я прикомандирован к группе Горохова Никиты Егоровича.

– А-а-а... – ухмыльнулся Дубов. – Так ты теперь на конкурентов работаешь.

– Почему на конкурентов? – пожал я плечами. – Одно дело делаем.

– Выскочка этот твой Горохов – пробурчал Дубов, как будто себе под нос. – Что мы, без Москвы тут сами не разберемся?

– Ну, пока же преступник не найден.

– Это потому, что каждый на себя одеяло тянет. Понаехали из Москвы, дела у нас забрали. А мы что тут, пальцем деланные? Не тупее чугунка! И это дело у нас заберут, чую. Почерк тот же. Молодая, стройная, наверное, красивая, не буду утверждать, лицо от удушения опухло. Все как в прошлые разы, присоединят убийство к делу душителя. Но пока у нас есть ночь, чтобы поковырять его. Иди, осмотрись, конкурент.

– Личность убитой установили?

– Пока нет. Документов с собой у нее не оказалось. Но сумочка при ней, и кошелек на месте.

Я раздвинул плечами плотное кольцо и протиснулся к

месту, где лежало тело. Девушка, одетая в модный плащ и туфли на высоком каблуке. Открытые глаза уставились в ночное небо невидящим взглядом, с застывшим в них ужасом. Длинные волосы разметались по пожухлой траве. На щеке краснела борозда смерти. Знакомый молодой судмедэксперт топтался рядом с “оцеплением” и не смел пока подходить к телу, чтобы не уничтожить возможные следы. Ждали приезда криминалиста, без него Дубов строго-настрого запретил подходить к трупам.

– Разрешите ваш фонарик? – обратился я к одному из людей в штатском, сверкнув перед ним своими корками.

Тот уступил мне прибор, не вдаваясь, что там написано у меня в удостоверении.

– Товарищи, – обратился я к присутствующим. – Посветите мне тоже, если не сложно.

Я присел на корточки и пустил луч по земле сбоку. Такой прием косо падающего освещения неплохо высвечивал следы, даже если они были со слабовыраженным рельефом. Вслед за моим лучиком потянулись светлые пятна от фонариков коллег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.